

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МАССЫ ★

Советская промышленность подошла к добровольному нормам!

63
37

1 - 27.

1926.

довоенный урожень

95%

1926
Nº

1

1921/22

22/23

23/24

24/25

25/26

// МОЛОДАЯ Гвардия //

М - у (Б о л о г о е). — Стихов ты лучше не пиши — и не умешь, и пазерно, не сумеешь. Пирожа твоя лучшее — жесткая и искренней. Практикуйся. Большой читай. Очерк передали в журнале «Пионер».

Д . Н о в о м у (Н и к у с т). — Присыпало никак нельзя считать стихами, это простое рифмование слов, без образов, без какой-либо творческой работы.

Д . М а р о з о в у (Франция). — Стихи Ваша не представляют интереса, несмотря на все «с精华» чудеса, описанных в них. Искусственным набором слабо с явленной социальной стороной. Отсталий литературализм.

В . В а с и л ь е в с к о й (М о с к в а). — Стихотворение не пойдет. Тема слишком серебряная для Вашего разума. Печататься погодите.

В . В и т к о в с к о му (Х а р к о в). — Исправьте погодку — стихи очень слабы. Дело не в наяде и поддержке, а в том, что тебе еще очень много нужно учиться.

И . Д р а ч е в с к о й (С а р а т о в). — Стихи ваши напоминают бледен. Очень слабы. Вам надо немедленно испечтанный от изображения событий. Пишите о том, что хорошо знает.

В . К а с и м о в о й (К азань). — Выбираете интересное и новое или отрицательное в окружающей Вас жизни.

В . Х а д м и н и ю (К азань). — Писанное — очень отвлеченные представления о баррикадах. Изображение напряженного психологического состояния требует большой тоности, интенсивности, яркости и красочности. Много курьезов, но мало — «амбициозных» сюжетов, сознания труда, сплоченности в союзе пролетариата, и «главы, позы, глазы, крики, боли сердца рабочего, порывы мести слились в могучий порыв». Напечатать не можем.

К . Ф о р л о в у (без адреса). — Стихи еще очень неумелы, но среди множества избитых и риторических строк есть свежие образы. Это показывает, что при технической беспомощности у тебя все же есть доля способности. Вопрос о писательской линии решай самобобразованием и членом хороших поэтов в свободное от труда время.

С у д а р с к о му (Х а р к о в). — Дело не в идеологической невыразимости, а в несоставленности стихов, в плохих их подражательностях (Есенину).

М о ж но ли, мечтая о весне, мимо левала «тяжелые колосья». Это уже сельско-хозяйственная, безграмотность.

А р т е м ь е в о й . — Писаные стихи неудачны. Октябрьские — трехсущи и риторичны. Спорите: «Красно-блузные», «Грохотом сильные». Печатайте в стенгазете.

ПОЧТА „СМЕНЫ“

С п и ч к и н у (Г а г а р о г). — Стихотворение очень манерно, обрамы его не оправданы. Как понять: «Ступенька порога мэрии», «Кровь безвкусна», и пр.

Е . С л е п и н у (М о с к в а). — Всю свою жизнь пишите письмами, ее можно считать лишь попыткой для написания очерка или фельетона. Постараитесь обогнать затронутый Вами вопрос.

М . Л е г т а р е в у (О д е с с а). — В расказе очень слабы описания, много неудач, выражений: «Собака присел к земле — гав-гав», «Эх о, вылетевшая из горы Гуды», «Петух не издавал ку-ко-ре-ку». Сады издали аромат и ми-ди. В изложении есть много недоработок и недословий. Радиоречи жутковаты и жаждоваты. Советую позаниматься самообразованием. Читай, дай ты рассказы из эпохи гражданской войны ВС. Иванова и Ф. Гладкова.

В . У с т и н о в у (Н в . В о з п е с с е н с к и). — Наши стихи однозначны, много повторений. Деревня идеализирована, город для тебя неясен. Печататься еще рано.

Д . Н о в и н у (с . К а с и м о в о й). — Стихи очень слабы, напечатать не можем.

М . Я р м о л и н с к о м у (г . Г а л и ч). — Стихи хороши, но рано. Скорее напоминают прототип или занятие. Неужели вы не читали ни одного рассказа, чтобы хоть элементарно знать принципы построения и т. д.?

А . К о л е с н и ю (Р о с т о в н /Д и о н). — В стихах у тебя еще много неиспользованного. Плохо рифмуются, повторяются образы, теряется ритм, безграмотно строятся фразы и пр.

«Губами и письмами» — не рифмуется. «По сарафану», а не «сарафана». Собирают ли коней рожками? Что такое — «Васильи глаза». Плохо — «Черни дымов», неграмотно — «В о-ро-ро-ро» и т. д. Рубашки накладывала узор и ми-ди.

Г а л д м а х е р у (О р ел). — Для Стихов не подходит. Рассказы очень возвратительные, неестественные, особенно второй. Нужно освободиться от плохого учененного и неуклюжего влияния.

Ю д и Ф - ф у (Р о с т о в н /Д и о н). — Писаные не пойдут. Расскажи еще, перешли в «комары». В очерках вы переборщили. Пишите лучше.

Е . А н д р е в с к о й (М о с к в а). — Писаное не всплынет. Принеси нам материалы, рисунки жизни и быта молодежи в настоящее время. То, что ты присыпал, может быть разработано в рассказе, но в таком виде, как у тебя — это еще совсем сырой материал.

Л . М а м о г и н у . — Комсомола она не пойдет. Как-то все у тебя склонно написано, прямая картишка: добродетельная комсомолка спасает погрязшего в пьянстве и танцульках хулигана и направляет на путь исти-

ни. Всё происходит и весел, как оно делается актерским и идет вместе с Олей смеяться других зулиотов. Все это неправдоподобно и подозрительно. Пристыль еще, но пиши то, что видишь, не прикрась.

В . Т и х о м у (С т а в р о п о л с к ий о к р у г). — Не пойдет. Протянут в руки и скажут: «Слушай!» Туристический аудио сделано у тебя слишком упрощенно, агитационно. Кроме того сплошь растянута и скучна первая часть очерка. Пристыль еще.

С . П е ч о ч н и ю (З а в о д М а т о в а л я). — Пишите письмами. Стихи лучше прозы. Если будешь работать и читать художественную литературу, научишься писать неплохо. Пиши для начала небольшие этюды, очерки. Да расскажи сразу не берись. Пристыль еще. Писать надо на одной странице листа.

И . М у х а ч е в у (Б и я с). — Стихи еще слабы, но работай над ними системой. Некоторая небрежность в рифме, тематике, излишний избыток письма, неподходящие образы... — все это портят стихи. Пристыль еще.

В . Е р о х и н у (Р и з а в). — Не пойдет. Много лишнего в стихах. Нужно у拜师学艺нее над ними работать. Слабо в изложении и описаниях. Есть очень неприятные срывы с хороших строк в неудачные и художественно неправильные. Шлаши.

С . Ко щ е с т в у (Ульяновск). — Прятаное не пойдет. Растянуто, небрежно. Стартует работать. Пристыль еще, прежде чем их писать.

В . А с и н о в у (М о л ч а н о в у). — Писанное не пойдет. Растянуто, небрежно. Стартует работать. Пристыль еще, прежде чем их писать.

С . Г о л д о в а с к и й (г . С р е б р и ч е). — Замечательно не пойдет. Написано все сухо, члещется без интереса. Шлаши еще, не стараясь давать более живой впечатления.

Д и м и т р и ю О с и н у (С м о л ецк). — Присыпал какие-нибудь дружеские письма, помесь размером и наизусть тему. Позма, «О голубой стране» не пойдет. Пиши на книгу или по памяти о том, что не видел, напоминая о члене, о котором не писал. Пиши на книгу, о которой пишешь. У тебя этого знания нет, поэтому и получилось надуманно, неправдиво.

Л . М а м о г и н у . — Комсомола она не пойдет. Как-то все у тебя склонно написано, прямая картишка: добродетельная комсомолка спасает погрязшего в пьянстве и танцульках хулигана и направляет на путь исти-

ни. Не проходят и веселка, как они делается актерским и идет вместе с Олей смеяться других зулиотов. Все это неправдоподобно и подозрительно. Пристыль еще, но пиши то, что видишь, не прикрась.

О т в е ч е м о личными письмами:

Ш . Ш у х о н у (Омск). — С м и р и н с к и й (Омск). — А . Ч е р н и с с и к и й (Омск). — М о р я к и н и (Донбасс). — П . В о л о х (Полтава, губ.). — Н . К о д о л к и н (Полтава). — Т . Х р о м о в у (Кубань). — Д . Б о т ч и к и н (Мурманск). — А . Р е с о к о в (Пенза). — Г . А с и м о в и ч (Краснодар). — М . Ш и н - г о л о в у (Симферополь). — П . П л о ч к и н (Ковдор). — Ф . К о в а л ю (Анапа). — М . К р и с т а л ь н о м (Полтава). — Г . Р е ш и т е н у (Москва).

Г . Т я г л о , К и с ь к о в с о в , П р о с в и р о в у — С т а л i н г r a d . — В . Ц в е м а л - П а т р и к , Д . М у л т а т у л а - и - Х а р к о в . — А . П е с т ю х и н - В о л о г д а , А . Ш е к а н о в - Л е n i n g r a d с к а я г у б е р н и я . — И . М а л ь з е в - Ш о с т к а , П . К о r n i l o v a - т . К о z o v , А . Н е р и с у - О м с к .

ШАРАДЫ и ЗАДАЧИ.

ШАРАДА

На звон звяжо
Ребячинки катают

Первый слог:

Б а к а

В речь под горю:

Слоз ёнгар обиант..

Чуб кретен жог

Наймит скорей

Возмы, что порю

Балды забытые,

Онты зелен,

А се жарено

Семье называют,

Она смечу готовит

Для народных юхней.

№ 3. ЛОГОГРАФИ.

Н . Н . С .

С «Е» — философ,

С «О» — поэт..

Уже в зеленых

Обнег нет.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № № 19, 20 и 21 «СМЕНЫ» ЗА 1925 ГОД:

№ 27. Р бус: «Мы насы, мы ны-
ый мир построим».

№ 28. Анаграмма: «Канинта».

№ 29. Логограф: «Хлеб-зебя».

№ 30. Ребус: «Грудь человека кор-
ыстен, а лено — портни».

№ 32. Шарада: «Горобэль».

№ 33. Логограф: «Корова коро-
на».

№ 35. Ребус: «Займиска спрят-
ковым спотом».

№ 36. Анаграмма: «Взлника —
Витка».

№ 37. Логограф: «Скула—скула».

СОДЕРЖАНИЕ: На Онеге — Г . Ш У Б И Н (рассказ), Шварц — Н . Ш П А Н О В (рассказ). Героическая жизнь (Мих. Петр. Сажин) — И . Б А С . Фото- экран (Хроника политических событий). Пятый год в таежной Сибири (воспоминания) — Ф . Б Е Р Е З О В С К И Й . Как растут камни — А . Ш О Р - И Н . Необычайные отцы — А . М У Р А Л Е В И Ч , Пол и характер — Н . П . П Л А В I П Щ И К О В . Хоккей — Б . Г Р О М О В . Подход (Подзатыльник) — Р . Р О М А Н .

Иллюстрации: В . Б Ф А Н О В А , Н . С О К О П О В А , М . Я Г У Ж И Н С К О Г О , В . С У Т Е В В А . Синопки Ф . З У Б К О В А и др.

Обложка работы В . Д О Б Р О К Л О Н С К О Г О .

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-89-18

Рукописи принимаются, написанные на машинке или чисто от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ И ХОДОЖНИКИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЫХ
ИЗ-ВО МОЛОДЫХ ГЛАВРИИ

Пролетарий всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 номера	4 руб. 18 коп.
— 3 мес. —	21
— 3 —	15
— 1 —	5
Отдельный № высылается за —	50

Подпиську принимает Ольга Первомайская
Издательство «Молодая Гвардия».

Москва, новая площадь, д. № 6/7.

№ 1

15 ЯНВАРЯ

1926 г.

НА ОНЕГЕ

Г. ШУБИН, иллюстрации В. ЕФИМОВА

Павлушкин издаётся в деревне с окончанием...

СЕВЕР НАШ. Последнюю смирялась Онега. Ее отняли в апреле лихим, кавалерийским и лыжным наскоком. Вскоре подоспела весна. Еще вечерами цветло небо пышными, многоцветными лентами северных синяй, еще ночами поспеливали морозище, но зима уж никого не страшился. Но утром шло в атаку звонкое войско весны: перекликались в оврагах ручьи, с песнями перли к реке, где уже закипала лютая схватка льда и воды. Молодое, красногрудое солнце неутомимо подпаливало, взрывало белые тверднину недр. Поля, луга, перелески зарыхались в густом дыме боя. Синие, юркие тучи обстреливали буйными ливнями, и птицы оркестры подбадривали бойцов. И зима зляла, расщепленная, беспорядочно отступала в леса, котловины, болотица, пялилась к северу — в пасмурные Мурманские дали. И вместе с ней, туда же тянулись, прятались другие — человечьи полчища — в медвежьи трущобины Карельского края, к глазастым финским озерам...

I

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Павлушкин Савельев выбегает на улицу. Теплый ветер обнимает его, лики лицо, рвет мягкие завитушки волос.

— Эх-ма!

С фуражкой в руке, расплескивая лужи, бежит по веселой улице лесопильного за-

вода. У белого директорского дома обрывается шаг: в окно вырываются голоса. Павлушкин целился взглядом, ловит раскидистый куст черемухи у самой стены и по мокрым его суковицам подлезает вровень с окончиком! Сердце обжигает холодок! Они. Всех их он знает наперечет: свою бражку заводская, — но жадно рассматривают каждого. Петя Скворцов ему

говорит:

— Я большевика с первого взгляда всегда отличу...

— Врешь — вскидывал Павлушкин бровями.

— Ничего не веру. У них свою отметинку есть.

Ишет Павлушкин эту отметину, не может найти. Переводит глаз на самого старшего Кузьму Кузнецова, — нету ее и у него.

«Собрание!» — радостно думает Павлушкин. Энал, что на хижине собирация посторонние не допускались. Любо пытно послушать. Наверно о политике говорят, раз никого непускают. Павлушкин покрепче вцепился в черемуху, наструнил уши. Но политики услышать не приились. Все дружно ругали Грушину азот за то, что ночью онежские мещане подъехали к бирже на лодках и наворовали «товару». Грушин папашка, весь красный, отбранился:

— Да, что вы напустились, сам я-хал, что ли?

— Ты не вольны, Иван Петрович. Раз партия тебя назначила директором, ты свое дело знаешь. Сколько раз я тебе говорил: Иван Петрович, назначь другого сторожа, один не дологит, вот и дохдется.

От тихого, рассудительного Кузнецова говорка Иван Петрович вспротил и умолк... Кузнецов закурил цигарку и стал читать протоколы прошлых собраний. Все стали зевать. Зевнул и Павлушкин.

Мимо, под самой черемухой проковыляла бабка Лукерья. Павлушкин нацепился и харкнул; плевок прилип к бабиному лбу.

— Слава те, господи, оять дождик, — старушка перекрестилась. Павлушкин плеснул спать и попал в глаз, — да и купройной какой!!

Бабка перекрестилась снова и подняла лицо к небу.

— Ах ты, злыдень! — заголосила она, — простина, каторжанин! Кабы катана

твой язык откусил! Житья от тебя, фу-лигана, нет.

Павлушкин, свешиваясь с веток, спросил:

— Бабка Лукерья, правду твоей старик говорит, что у тебя пуп на холке...

— Тыфу, печистая сила...

Бабка подняла ерефку и ткнула Павлушкину. Павлушкин захрап, полез выше. Рейка ползла вперед, колола бока, спину. В белом доме запели «Интернационал», потом все высыпало на улицу.

— Карапуз! — горланил Павлушкин, вцепившись в верхушку куста; вершина гнувшись, трещала, а бабка не отставала. Все засмеялись.

— Эй, божая старушка! — крикнул Кузнецов, — оставь паренью. Что ты его колешь, разве он белогвардец? Слезь, Павлушкина. Что ты делал?

— Тебя ждал.

— А по что же тебя бабушка колоша-тила..?

Павлушкин молчал.

— Эх, парень, парень! — Кузнецов почкаль головой, — а еще в партию просился. Да разве озорникам в партии место. Нет, надо из города гордина вызывать, чтобы он на заводе союз молодости сделал, авось поменьше зовстра будет...

Павлушкин быстро спросил:

— А когда же ты его позовешь?

— Да, ведь от скучи все это... — занял Павлушкин. — Делать ничего. Вот ты говоришь, все должны участвовать на общую пользу. А в партию нас не принимают.

Только флаги одни на демонстрациях держать позволяют. Да нешто это участие? И опять мы в забросе, как и при тех... Ты, вот, позови кричала-то этого, который раз сулил...

Кузнецов хмыкнул, потребил бородину, опустил на Павлушкину насмешливый взгляд.

— Ладно, посмотрим... — и, запахнув свою поношенную шинелишку, содранную с бедныхханского «инглиша», пошел, поеживаясь от ветра.

Павлушкин постоял еще, вдумываясь в сказание Кузнецовым и вдруг, глянув бешено, размахивая шапкой, рванулся по лужам, забрызгивая встречных и попе-речных.

— Эх-ма!

Особенно норовил испятнать брызгами белые платья девушек. Весной белое в моде, плавало белое по всей улице, шарахнулось от Павлушки, дразнило:

«Наш Павлушкин,
Женат на гуслице
У нашего Пашки...»

— Ах вы, сороки бесхвостые!
Налетал волком, мял, чипал, разбрался и опять рвался вперед — мимо бани, бараков, казарм — к реке. А уж за спиной метался — плач, охи, причитки:
— Все испортили...
— Только раз и надела...
— Как я теперь домой покажусь, что мне маминка скажет...

11

ПАВЛУШКА НА БЕРЕГУ, густо усыпанном толпами. Внизу, в жгучих глинистых провалах, у горы вилась Онега. Несметная сила льда напирала с верховья. Ему было тесно в воде. Оно лежало на берега, сшибло дескотку, размлю заводской шлюз. Побубинки, лыдочки замерили на земле, как труны, ручейки закапали в их сердечине.

Глаз нельзя было оторвать от торжественной картины весеннего боя. Онега задыхалась от усилий. От нее шел пар, драгоценный сиявший под солнечными взглядами. В попыльях голубело дамаскесце тепло реки, как куски мяса, с которых содрали шкурку. Самая лютая схватка кипела в устье, — версты за две, — у Белого моря. Там льдины громоздили целые горы.

Толпа топталась на берегу, охваченная азартом... шумом, скрежетом...

— Но-но, — подбадривали реку, — поднапари матушку, поднажми!

У каждого были связанны с рекой свои детские чаяния.

— Прочищай дорогу, — говорили «мореходы», — прочищай голубушка, пора к Мурману ехать.

Стояли и местные, речные рыбаки.

— Торопись, торопись, — кричали они, — невода готовы, будет волниться!

Стояли рабочие и солдаты.

— Ого-го — улуплюкали они, — так ево, так ево, бей гад!

Взморье бунчало, точно палило из пушек. На другом берегу, в городе, пели оркестры, кровавым пятна флагов текли по улицам, люди праздновали свою весну.

— Опять митинга, — переговаривался берег.

Под угромом, у самой воды, цвел костер. Вокруг него расселась ватага ребят. Петья Журавлев, зборная душа, загорелый заводской ухарь, смешил всех отчалинной материцкой скажкой.

Сверху, гоня перед собой крошки земли, скатываясь Павлушка. Увидя его, Петья находился и смолк на полуслове. Из него времена между ними закипела скрытая неприязнь.

— Петру Савельичу, наше вам с кинчкой, — затораторил Павлушка, — опять что-нибудь врешь. Угадайте ребята загадку!

— Помалкивай в тряпочку, — огрызнулся Петья, — мы скажу слушаем...

— Воля ваша!

Павлушка присел к костру и закричал:

— Груша, ходи сюда!

От толпы оторвалась девушки.

— Чего тебе надо-то, — сказала она под ходя, — чего ты кричишь-то?

— Ты вчера с кем ходила?

— Где? — Груша науду губы, — тебе какое дело?

Ему было обидно: с Груней вырос в дружбе, в школе оберегал от обид, водил по митингам и собраниям, переписывал в тетрадь революционные песни. Хотел сказать, что нехорошо сторониться

его, ходить с другими и не мог. Вся бойкость пропала. Чудно. Раньше о всем говорил, ничего не стеснялся.

— Мне мама с тобой не велела водиться... — Давно. — А вчера увидела с тобой, сказала, чтобы не было этого болезни.

— Почему же так? — прошептал Павлушка.

— Так. Хорош больно. Сегодня опять девушки изобидел.

— А зечем с Тимошкой ходишь?

— Пф. Тебе что? С Тимошкой учимся вместе. Учился бы ты дальше — не бы таким... — Она огляделась кругом и докончила: — я попаду, мама увидит...

— Что же, иди, — говорил он тихо. — Папанька твой теперь директор, водится со всяими не тоже, небось, только не очень-то заносись, был я на собрании коммунистов; Кузнецов так своего папанька крыл, что я ляпнул малина. Это не у белых, при красных не директор старший на заводе, а секретарь партийной ячейки. А Тимошка скажи, пусть поболтается, плохо будет ему...

Груша уже была в толпе и не слышала его слов. Павлушка повернулся к курсу. Петья кончил сказку и, зажмуря глаза, с улыбкой ловил отзвуки смеха. Было ему лет двадцатидва, одет он был чисто, в форму английского солдата, перешедшую на свой рост, из кармана висела шнурок от нагана, наган и форму Петью украл, когда при отступлении белых бросили на заводе обоз.

— А я, братцы, на собрании коммунист был, —похвастался Павлушка.

Петья открыл глаза.

— Лучше рассказы, как тебя в ячейку примали.

И, пользуясь случаем, рассказал, как Павлушка написал заявление, просился в большевиков, а Кузнецов сказал ему:

— Мы малолетних не принимаем.

Павлушка побурел.

— Ну, и что? А ты врешь, что большевика по виду можно узнать. Если у них есть различия, то только в нутре.

— Толкую со сплеменем, ежели он не видит, — сказал Петья и услышал смешки. Парни были за него. — А про между прочим люблю большевиков очень. Озорники они. Наша вязь, — директора высадили, дом под кубулаховали, и никаких. А в голове заставили буркуев сортиры чистить. Ленин из всех первый зорник, в роде как я на вами...

Кончил.

— Мения, братцы, —заявил Павлушка, — сав том, Кузнецов уполюмочил поговорить с вами...

Ребята открыли рты. Кузнецкову до них есть дело? До них никому не было дела. Даже Петью был удивлен, но не показывал виду.

— Что такое?

— Наверно шпынить за что-либо?

— Надумали мы, — сказал Павлушка, выпирая эмы, — организовать союз молодости...

— А что это?

— Спросите Петью; он знает.

— Петья, что?

Петька молчал.

— Он забыл, — сказал Павлушка и услышал дружный всплеск смеха, но уже не над им, а над Петей. — Ну, я скажу. Союз молодости, братишки, это та же партия рабынь, только для молодоженника. Посулил Кузнецов кричали из города достать. Он нам союз и сделает.

— А что этот союз делать будет?

— Что делать? — Павлушка запнулся. Сказано — та же партия, значит, и делать то же.

— А примут нас?

— Обязательно...

Павлушка вспотел, раскраснелся, ловко правил разговором, перетягивая к себе внимание всех. Петья сидел, всеми забытый и злой, покусывая ногти. Между ними давно шла борьба за первое место. Прошло то время, когда Петья верховодил ребятами безраздельно. Чтобы он ни задумал, Павлушка во всем пересидел. Петья звал в лес, гонял белок, Павлушка играть в мяч. Половина шла с тем, половина с другим. Павлушка зевал его прозвищами, поднимал на смех. Петья силялся ответить тем же, но у него ничего не выходило. Избыть его Петья опасался. Хотя Павлушка был его поможоже и похоже, но своим языком отплатил бы сторицей.

Оставалось одно: выкинуть номерок, да такой, чтобы все ахнули, поняли что с Петькой никаких Нашек ровнять нельзя.

— Эй вы, шпана бесхвостая, —крикнул он, вскивая на ноги. Довольно языком бритья. Ты, Спирька, приведи мне инженерского Кольку. Живо!

Спирька обняенно тяжнул кудрями.

— Что я тебе, слуга, что ли! Слуги нет никаких.

— Будешь рассосывать, за вшивицу оттаскаю!..

Привели Кольку, инженерского сына, охотника быть за складом.

— Табак есть хороший? — Спросил Петья.

— Есть.

— Давай об склад.

— Пари. Идет. На что?

Петья вытащил ноган.

— Я покажу игру в смерть. Видишь, в револьвере шесть патронов, смотри. Пять вытаскиваю, в барабане остается один, —смотри. Теперь в бурье барабан и стреляю в себя. Если патрон попадет под курок — мне какое, не струшу — мой табак, струшу — твой ноган.

— Не дури, —закричали ребята. — А ты, Колька, не бейся.

— Отчего же, —ответировал Колька, поблескивая замаскировавшимися глазками, — от сущности! А во что?

— Во что хочешь?

— В лоб, —сказал Колька, — в лоб испугаешься.

— В лоб, так в лоб, —сказал Петья. — Кто будет мешать, уложу...

Поднял руку, зажмурив глаза. Несколько раз опускал ее, открывал глаза, пил ими небо, застывшие лица, и поднимал слова. Чик, —выстрела не было. Выкинув руку к реке, он рванул курок — раз, два, и на другом разе льдина брызнула мелким щебнем...

— Давай табак, выбрачивай карманы, —закинулся он на остголеневшего Кольку, — в лоб, гадина! Столько всего? Да тут на лист закурок только. Дешевый у тебя на меня рассценок. В лоб! Вот же тебе...

Ручка ногана стукнулась о кругой белый доб гимнастика, Колька подобрал щепель и, не поднимая упавшей шапки, побежал в гору, к толпе. За шапкой присел Тимошка, поднял и буркнул:

— Сократись, Петруха.

— Не пикай, влетит и тебе. Попал в ученье и холуйничашь перед барами...

дух нюхнешь—хорошим пахнет, верно, от старых хозяев осталось.

— Хорошо жили, по-настоящему! Павлушка уселился за письменный стол, покрикивает:

— Не стойте в проходе, Прошу сесть.

круг Петки и Павлушки. Парни этой половины все самодично работали в заводе. Многие росли без отца-матери. После работы часто они отдавались разгулу, этот разгул омывал их после труда, как вода. Их звали «огольцами», «холдини-

подняла руку,—чик,—выстрела не было...

Петка присел к огню весь мокрый и запыхавшийся, как от бега. Ребята молчали, и по их лицах он чувствовал, что они удивлены. Ему стало весело. Он обернулся к Павлушке. Павлушка стоял спиной к нему и смотрел на берег. Рядом с шинелью Кольки, возле Тимошки, в толпе других ребят и девушек было белое пятно—платье Груши... Оно было высоко, казалось таким далеким и недоступным... Хулиган, хулиган—выстукивало сердце.

III

КУЗНЕЦОВ сказал:

— Оповести ребят. Кричала будет.
— Кто такой?

— Секретарь уездного оргбюро. Комиссар молокососов по всему уезду.

— Из образованных, поди?

— Питерский подмастерье... голодно там... прибег сюда и заварил капу.

— Старий?

— Усов еще нет.

Павлушка разочарованно вытянул губы. Хотел, чтобы «кричала» была из «ученых» и «старий».

— Ну и что,—заговорил он с вызовом,— я тоже председателем буду!

Кузнецова ухмыльнулся.

— Тебе, я вижу, хочется, чтобы ты один молодым и из серых председателем был. А остальные, чтобы из «старых» и «ученых». Себя любишь?

Тихий, подспудливый, а сквозь проинакает.

СОБРАЛИСЬ в директорском доме, в комнате парт-чайки. Влипли в пружинные кресла и диваны. Хорошо. Осмотрелись. Потолок разрисован: посередине баба голая, а по бокам ангелочки порхают. Девушки глянут и обомлеют—смехота! Пол гладкий, скользкий, хоть на коньках, как по льду, катайся. Воз-

Здесь не толкучка.

Поднялся шум, драка.

— Что такое?

— Спирька Янку исхлестал.

— Как? Почему?

— Из-за места. Мест не хватает.

В руках у Павлушки звонок, бряканка.

— Тише! Все кресла разомнете. Станьте! Садитесь другие. По очереди. Чтобы никому не обидно.

В угол сбились Колька Стальский, Тимошка и другие ученики, еще несколько кантормских парней. Себя они считали лучше всех тут бывших и держались особняком. Посеменивали над Павлушкой, задумав тем, что тот начинает командовать. Когда Колька закурил, Павлушка загрижал:

— Ступай в коридор дымить. Порядку не знаешь.

С каких пор вы его знаете?—заявил Колька.

Из дальнего угла загудел Петка.

— Ты молчи, гимназист. Верно зажил фонари на лбу. Другой засвечу.

Вспыхнула перебранка.

— Тебе чего здесь надо?—наступал Петка на Кольку,—парни держать хочешь?

— Не твое дело...—отбранялся Колька, побледнев и пытаясь перед Петкой. Он вспомнил от стыда перед девушками, которые тут были, и ему хотелось хлестнуть Петку в лицо.

— Уйди-ка вон!

Подскочил Тимошка.

— Ты что за командир. Он тебе мешает?

— Нечего ему делать. Это для рабочей молодежи собрание. Раньше он нам не интересовался, а теперь подлезает. Уходи сюда.

Колька ушел. Тимошка вернулся на прежнее место. В руках его забедила бумажка. Он подманивал девушек, шептал и вписывал в бумажку.

Весь заводской молодник дробился на две половины. Первая,—сплачивалась во-

ками. Вторая половина теснилась около Кольки и Тимошки. Из этой половины если и работали, то не на заводе, а в конторе: переписчиками и делопутами. Большинство же были сыновьями квалифицированных рабочих и учились в городе. На улице они не озорничали, зимой собирались к Кольке, пили чай, вели умные разговоры, летом играли в «индеецев». Обе половины лютого враждовали. «Огольцам» не нравилось, что те из себя барятся, а «бары» не любили «огольцов» за насмешки и задирки.

От дверей, сквозь густоту толпы проплынула парень. Его никто не знал. Он был ржавый. Одежда драная. Подкова левого сапога откочкала и была подвязана веревочкой. Парень быстро подошел к столу.

— Это собрание молодежи?

— Видишь сам,—ответил Павлушка,— бород нет.

— Как фамилия?

— Савельев.

— А его?—налец ржавого ткнулся в Тимошку.

— Лантев.

— Позвони в колокольчик.

Павлушка позовил, с недоверием оглядывая ржавого.

— Товарищи,—звонко выкрикнул ржавый, блескавшая зубами,—я приехал из города побеседовать с вами. Начнемте. Предлагают председателем выбрать тов. Савельева, а секретарем Лантева.

После голосования, пожмакая плачами, Тимошка тронулся к столу. Ему дали суд и бумаги. Он сел и, держа карандаш наготове, презрительно покосился на Павлушку, Павлушка растерянно посмотрел на ржавого.

— Не трусь,—шепнул ржавый,—скажи, что слово предоставляется тов. Андриянову.

— Слово предоставляется тов. Андриянову.

ШВАРЦ

Рассказ Н. ШПАНОВА, иллюстрации Н. СОКОЛОВА.

Англичанин, не фанатик напироны из руки, недружно приложил все пальца левой руки к комбату...

1

В ГРЯЗНОМ номерице гостиницы «Пале-Рояль» с обоями, давно утратившими первоначальную привлекательность букетиков и венчиков под подозрительной засаленностью, было дурачающее дуньшко.

На скрипучий деревянный краюх, с облезлой краской и с краем, покрытым коричневой лакировкой спинкою лежал поручик Шварц. От жары не хотелось двигаться и было тяжело сгонять бесчинственных мух, назлиявших шкотавших бритую голову поручику. И мысли в этот бритой голове от жары тянулись скучные и меланные: «невеселое чортво». Пронграл все солдатские и мессы вперед. В собрании кредит засорился и вчера, когда вспомнил про долг, отстегнулся, там засекся... И это пойло проклятое бристо! бы нало... Да чарта пысого его бро-сить—бросить пить, чтобы повеситься можно».

Крепкий стук в дверь прервал его мысли, и на выкину «войдите» в комнату ввалился грузный офицер с красным однушатом лицом, и юноша в расшитом кительке Генерального совета по комитету, содрогнувшись по ограду взведенного летчика поручика Шварца, с которым и летал в качестве наблюдателя.

Жоржинка, выруги миленинский, моя армянка пришла, денег просит, я ей ух меси что должен четвертый. В сущности это не беда, конечно, что четвертый, да нехорошо как-то пахнет, что именно у нее взял.

— Дурак ты, Никола, всегда говорил и еще раз скажу. Ну взял и взял. Пусть скажет спасибо твоя Раечка, что русский офицер сизошел к ней настолько, что не только позволяет себя любить, но еще и позволяет погладить ее щеки, погладить ее щеки, погладить ее щеки. А в общем я не знаю, какого лешего ей с ней панькаешься—дай ей хорошего леща и пошли получать свой четвертый к барону Петру или к самой чортовой матери.

— Ну, Жоржин, ты не прав. Ведь второй не сышешь в этой проклятой дыре, а чорт его знает сколько нам здесь еще торчать-то придется. Так как же насчет четвертого?

Нет брат; я вчера так прошибился, что у меня не то что четвертого, а и четвертака нацепу во всех карманах не сыщешь. Плонь-коты на четвертой, да пошли ее в вино, немного лик ослежим.

— Нет, нет, милый, мне некогда,—ответил Горлов и зашаркал стоптанными туфлями по коридору.

Шварц повернулся на бок и начал спать лежа, не моргнув глазом. На голове каштановая борода: паршивая жизнь. Когда конец будет—этих снаре, единому чорту известно. Что ни приказ, то «последний решительный натиск», а эта красная словота все наследует и наследует и конца ей не видно. Леший их знает чего они прут—жрать ничего, голые ходят, а леуш—отбоя нет. Эх, не успел я во время за границу дернуть, теперь не успею. Извини, что я тебе говорю, я не могу себе дозволить. А в сущности ради чего? Ну, барон знает, что делает.—Сланцев, Кутепов, Дровдовский, а при чем мы тут? Вон дураку Николащек только баба нужна, так он небось веде найдет, а и коих лих ему капитанские погоны он, наверно, и сам не знает, разве только для того, чтобы жаждам мочи быть. Извини, что я тебе говорю, я не могу себе дозволить. А в сущности ради чего? Ты багажа, спонты собственной шапки. Хоть с другой стороны, ежеси порадуешься, так может быть что-нибудь и выйдет? А хорошо, если выйдет: падахен не сегодня завтра, помре и все десятинки целиком моя будут. Главное ведь, совершенно чистеньких получишь иконы, обратись к архиерею, засяди на кресло, и вон дураку Николащек тут же управляемым врозуму, пусты, плачет в морды муджикам, а сам за границу на поправления вондишь. Эх, благодать, пожалуй, в общем барон не такой дурак, только бы поскорее кончал все это дело, а там знанто отдохнуть можно...»

Дверь номера тихонько скрипнула, и в ее нащипках вошел молодой солдат, в нерешительности остановившийся перед сияющим поручиком.

— Господин поручик! А, господин поручик! Шварц мотнул головой и открыл глаза:

— Ну, какого еще чорта надо?

— Из штаба сейчас автолинии, всех гошов офицеров на аэродром требуют. Капитан Горлов сказал, что сейчас за вами зайдут и приказывали обязательно будить. Одееваться прикажи подавать?

— А, чтоб им с их затеями, давай одевайся! И Шварц стал быстро натягивать на себя английский френч, к которому так не шли блестящие серебряные погоны с двуглавым черным орлом.

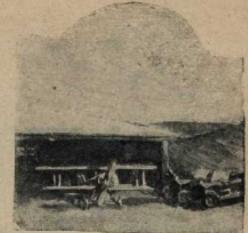
В номер вошел Горлов в кителье, застегнутом на все пуговицы, и в высоких шнурованных ботинках вместо шлепанцев.

— Жоржинка, что-то затянули. Всех летчиков и пилотов срочно вызывают. Надоело, миленинский.

— Это все изза твоей армянки. Каждый раз, как она тебе явится, так всегда обязательно что-нибудь стряпается. Ну, едем.

Три автомобили один за другим отъехали от подъезда «Пале-Рояль» набитые офицерами, и занялись по разбитой ухайдистой мостовой. На каждом домике побольше виднелись вывески с названием разных штабов и управлений раскинутого корпуза добровольческой армии генерала Врангеля.

Против одного из янтарей виднелася небольшая группа людей и в центре ее плотный коре-

настый командир отряда в полковничих погонах, а рядом с ним худой и высокий как жердь английский офицер. При приближении прыбных копеекстей поручиком Шварцом, не извращея несколько шагов и по его сабачионному лицу все понял, что дело серьезное. Англичанин, не вынимая папирос из рта, небрежно приложил два пальца левого руки к козырьку, так как правой он опирался на толстую трость с большим крючком и ему не хотелось менять руку.

— Здравствуйте, господа,—забасил полковник, получиво серьеэзное задание из штаба армии произвести бомбардование по станции Тихонецкой, где происходит скопление значительного числа солдатских сил. Привезли из Балтии. Близк винят предписание главного командования линию наблюдать за продвижением операции нашим отрядом и считает необходимым вылететь сегодня всеми наличными машинами за три часа до наступления темноты с тем, чтобы не дать возможности самолетам противника преследовать наши машины при полете обратно.

— Не было печали, начал кто-то из прибывших, но его перебил Шварц.

А тут Тимофей Иванович, спросил у этой лошадиной машины, почему они посыпают в чужой район наш отряд, тогда должны прекрасно знать о том, что у нас за грабы вместо машин. Чтобы вот этому самому Близкому взять свеженое линию английского отряда,—и район их, и дедо вернее будет,—машины-то куда надежней наших...

— Ну, ну, господа, перестаньте, что за разговоры, ведь, здесь же никакие кругом,—причмокнул полковник.—Распорядитеся, каждый заправки своего самолета. Я уже доложил Близкому, что из восьми наших машин вылететь смогут только пять.

Обернувшись к группе, стоящей около неизвестного машина, полковник задал ему чрез переводчика вопрос:

— А какие бомбы будем брать? Предупреди, машины все в таком состоянии, что на иннове рассчитывать не приходится. Я бы советовал ограничиться дискифитами.

— Ола-райт!—буркнул маляр.

Шварц не торопясь шел по своему ангару, из которого мотористы уже выкатывали самолет. Экса сволочь, сама только виски тинуть мастера, а чутко, что пожалуйте наши; а куда в серьеэзное дело с такой ранью сунуться—думал Шварц, хмуро оглядывая свой аппарат.

Сегодня с самого этого момента, как Шварц узнал о предстоящем полете, ему стало не по себе: всегда ронял и сбрасывал из рук папиросы. Его начальник казался, что лететь сегодня значит извергниха убраться. Каждая стойка и растяжка самолета казалась ему подозрительной, тащющей в себе возможность гибели.

«В сущности нужно бы самому привыкнуть просматривать самолет перед вылетом, а то это моего Филиппеники мие сориенено не вразится. Вообще, все они сволочь—предлагут и будут думать, что сделали святое дело в пользу революции!—размышлял он, глядя как поймы канают моторист Филиппеник копался во внутренности мотора.

— Никола!—крикнул он лениво бредущему по лугу Горлову,—просмотри бога ради плутметы, ведь, тебе же с ними возиться.

Горлов также лениво полез в самолет на заднее место и стал копаться около окна на саженях на турель спаренных Люксонов

Сознавая отлично, что моторист что каждую минуту можно ждать нибудь пацости. Шварц все-таки заставил заняться самолетом: решил он, — если Филоненко захочет им сприятель, а он свою сделает, бог не выдаст. Свинья не с'ест.

На минуточку его внимание привлекли к мандира, нещадно разносившего крик чинов, в то время как майор небрежительно тыкал тростью в измождество и что-то юрди подъясывал.

— Зря глотку портят Тимофей, —
Горлову, — драть их сукиных дег-
разговоры с ними разстабаривать,
Николаша, отрядом командовать
одного недюка зуба бы не было в

— Поздно теперь. Барон сам
мию своими кислыми разговорами

— Что-ж, Николаш, давай в город с'ездим, у нас еще часа два времени есть, надо запрягнуться, а то чорт его знает, когда еще домой-то попадем.

ЖАРА СПАЛА. Солнце давно уже перебралось через зенит и собиралось скрыться за вершинами густых акаций, укрывавших огромную станцию Тихорецкую. На зеленом лужку перед раскинувшейся волнистой крышей сидел охранник, фонариком поклоняющийся баранчику от большого куска, старательно перевязывали их, запаяв время от времени молотком из закупленного походного котельца.

Один из них, краснея от смущения, сказал:

— Отец Александр Шварц, лежал нахмурившись, а другой — моторист, в промасленной синей рубашке, по возрасту много старше Шварца, смотрел на него с добродушной улыбкой.

— Да, брат, что-то здесь не так. Ты скажи-
ка толком, как у тебя все это вышло,— прервал
моторист недовольную воркотню своего сотра-
пенника.

— Как выпишут? — Вот так и выпишут, — вспоминает ее сын и говорит: «У вас, мол, в школе вычищается, что по царской армии вы за боевые отличия в чин царскогородской прописаны, а потому я не могу поддержать вас, как офицер, вы не принадлежите к классу рабочих и крестьян. Ну, что мне было ему толковать? — а когда я ему скажу, что подастся в отставку, я буду вынужден его уволить».

— Ну, ты брось горячиться. Вступление в партию не такое дело, чтобы его комиссар сажал решить мог. Я же тебе говорил уже, что у нас ты на хорошем счету и японца все как один за тебя, здесь дело не в комиссаре, конечно, сажает, арионце-концов решится так, как должно быть. А ежели ты честный парень, так из-за этого нельзя идти вешаться, в партии, не в партии.

— Так-то оно так, да все-таки какое-то сознание нехорошее: отказался. Я вот в прошлом месяце—приложил он вдруг палец к губам...

— Да, летит, постой-ка, я бинокль возьму, —
сказал старший сажавший на лавке, снял
с коля полевую бинокль. Долго водил он по горам
и развалинам трубок. Наконец поса

установился в одном направлении—на юг. Прямо в окуляры шли оттуда по розовому закатному небу четыре точки самолетов.

— Слыши, Саша, машины. Нашим некому быть с той стороны. Надо доложить командиру, — крикнул моторист, не отрываясь от бинокля, но Шварца уже не было: он с юкстосением накручивал ручку полевого телефона в палатке и, натужась, кричал в глухое кожаное ухо таубуки.

Прошло три минуты и мотористу в «окуляре» стали ясны виды спущенных самоделок. «Это не наши», — крикнул он, опуская бинокль, и бросился в палатку, где Шарпера застегивали на ремень куртку. С десеткой людей испеплено бежали по аэродрому к соседним палаткам, когда «Ньюпор» Шарпера уже дрожал лихорадочною дрожью от бешено вращающихся винтов. Видимо, из-за легких весов «Ньюпора», пока Шварцман усаживался в кресло, машина дергалась «ельзя», пока Шварцман усаживался и застегивал пуговицы. Вот он дал на педаль полный газ и моторист, забекшав спереди,

выпал из-под колес большой чубран.
Из-за борта показалась обшарпированная рукав
кожаной куртки и смуглая рука сделала знак:
пушки!
Самолет подхватил и запрыгал по залетам
травы. Его косая тень чиркнула по залетам
и выскакившим из них еще двум самолетам, когда,
сделав горку, он круто полет вверх.
А четвере черные точки, которые первым
видел моторист, превратились теперь уже в четы-
ре больших самолета, одногонно гудевших
погти над самой станицей.

三

НАСТРОЕНИЕ поручика Шварца,шедшего на последнем из четырех «Сопвичей», никакого не улучшилось.

Много дрянных мыслей успело пройти через голову за время долгого пути от аэродрома до Тихорецкой. Сегодня он не был, как всегда, уверен в своем самолете. И даже движения собственных рук не казались ему сегодня такими же беззодицкими, как всегда.

Навстречу отряду внизу плыла зеленым островом станция, широко раскинувшаяся около черного узла спутанных железнодорожных путей. А на путях, заволакивая дымной вуалью стационарные здания, ползали паровозы с подцепленными к ним нескончаемыми составами красных товарных вагонов. Когда станция стала еще совсем близкой, Швабе обнаружил, что

шему сзади Горлову и его лицо не понравилось. Всегда такой красиво-упитанный Горлов, выглядел сегодня совсем больным. «Это все из-за его проклятой армянки», — мелькнуло в бритой голове, затянутой в плотный кожаный шлем, — «не будет пути».

Тем временем солнцу осталось пройти уже совсем немного для того, чтобы окончательно утонуть в волнистом море безбрежной степи. Его косые лучи бросали длинные пятна от построек и деревень и Шварц сплели за тем, как вились над землей тени от самолетов, то сливавшиеся с расплывчатыми пятнами на земле темные пятнами, то снова выходили на освещенные места. Вдруг ему бросилось в глаза резкое движение головного самолета, вильнувшее в сторону

Только здесь Шварц заметил, что из-под головного «Соничка» вынырнул неизвестно откуда взявшейся крошка «Ньюпор», и в глазах его промелькнул блеск последнего выстрела. Глянув вниз, он увидел, что оттуда тяжело скребутся еще два желтых «Лебедя».

«Лураки», — подумал Шварц, — снять бы только «Ньюпор», а тогда этим несладчаем кричали. Ему было хорошо видно, как наблюдатель переднего «Сопника» свалил за борт свои пулеметы и ловит на мушку слова, оказавшегося под ним «Ньюпор». Язычки выстrelов ссыпались с его пулеметов, сливааясь в сплошной красный блеск.

А на крошки «Ньюпор» другой Шварц, впиваясь лихорадочным взором в глауцирующуюся муть сумерек, старался согнать с намеченного пути головного «Ньюпора», твердо распластавшего над ним свои широкие темные крылья с яркими трехцветными кокардами.

Вот и два «Лебедя» доскребли, наконец, до того, чтобы иметь возможность отвлечь на себя

Непрестанно меняясь местами, вся группа неуклонно продвигалась к тому месту, где тут-
гим узлом перешлили нити пальцев, на ко-
торых, как припаянные, замерли павловы с длин-
ными когтями.

Внизу, на краю станции, у больших палаток, раскинутых по краю широкого поля, сбились кучи, стояли люди и с замершим сердца приближались к измечненной цели. Двадцать пар внимательных следили за каждым движением замкнутой группы людей, которая не смог потом рассказать, как погибло это, что находившись на крыше, один из «Лебедей» кротко перешел в шторм и тотчас же на них, склонив головы, завалился, почесав щеки, и умер, дрожа.

(Продолжение на 8 страниц)

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

(МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ САЖИН)

И. БАС

АРМАН РОСС.
Зарачинский снимок, отпечатанный
к 1874 г.

и напыщенными, как ненавистное самодержавие, стоят на площади солдаты, жандармы, городовые.

А посередине на черном эпизоде отпускает на колени человека. Грубою рукой плач срывается с него шапку. Над обнаженной головой переключаются шапки. Потом ведают руки в кольца железной цепи и, приставив к позорному столбу, читают царский указ.

Глаза толпы не отрываются от лобного места. Сколько в них ненависти к царю-палачу! Сколько обожания к тому, кого он казнит!

Позорное зрелище кончается. «Учителя жизни» — Чернышевский сходит с эшафота. Тиремийская карета увозит его в Сибирь.

19-летний юноша, тот, чьи глаза испугали бы царя, студент Сажин уходит домой.

Почему не можете вы, герои III отделения, завести себе доносков там внутри самого человека? Может, вам тогда легче было бы искоренить крамолу. Может, вы тогда же схватили бы Сажина и никогда бы уж не выпустили его из своих лап.

Всю ночь проводит Сажин без сна в сладкой ненависти к врагу. Перед ним стоит образ «друга-писателя», южной молодежи. Юноша кланяется служить званиям Чернышевского. Он станет учительством, стремиться к знанию, развитию... и тогда он будет полезен обществу. Образ за образом выплывают литературные герои Чернышевского — умные, добрые, посвятившие себя народу — так надо жить.

Это — мечты. Но наше — совсем наивные мечты.

Но молодежь 60-х годов увлекается ими. И жандармы ссылают за них в Сибирь.

Этот мальчик, едва вступающий в жизнь, уже умеет не только мечтать,

Утром солнечный луч падает на его ложе... и уширается в голые доски. Будущий революционер закаляет себя.

2. Студенческий бунт

ЧЕРЕЗ ГОД Сажин судят за печатание нелегальных брошюр. Потом разыскивают по делу Каракозова, стреляв-

не отлучаясь ли куда без спроса. Но, за полтора года можно и медведя приручить, не то,

М. П. Сажин
в ссылке (1881 г.)

что жандарма одурачить. Он уже появляется только раз в неделю — не проходит же ссылочный, в самом деле.

Однако, случилось что-то, что прошло. А так как перед исчезновением Сажин сказал, что идет рыбку удить, и кроме того, у берега реки в результате поисков обнаружена чья-то изношенная фуражка, то, очевидно, — ссылочный угонул, о чем и доносится в III отделение.

А месяца через полтора пришло из Гамбурга от утопленника письмо, что, мол, жив и здоров; обо мне не беспокойтесь. Еду в Америку; там лучше, чем в ссылке.

Хоть у Сажина нет гроши в кармане, он бодро вступает в неизвестную жизнь. Начинаются скитания по городам, по фабрикам. Бывший студент чернойработы зарабатывает свой хлеб. Но мысли снова рвутся в Россию, к борьбе, к революции.

И в это время Сажин получает письмо от революционера Нечаева. Он зовет Сажина на революционное дело.

В мае 70-го года Сажин встречается в Швейцарии с Нечаевым. Они не сались. Нечаев, фанатик революции, беззаветно преданный ей, ввел в свою революционную борьбу неужные, нечистоплотные приемы, оттолкнувшие от него даже ближайших друзей. Но Сажин там же знакомится с другим великим революционером.

3. Побег

Каждый день Сажин плавает в Вологде гость — жандарм. Справляетя о погоде, здоровье, а главное,

В комнате бедно и неряшливо. На стеле не висят помятая шиня и выбитые брюки. На столе, заваленном книгами и бумагой, чернеет сковорода с остатками яичницы.

В кресле против Сажина сидит огромный человек с львиной шевелюрой и гремит... И стены комнаты уходят куда-то в даль, окуяны, грязь и бумага исчезают в тумане. Остаются только слова—напористые, жгучие, захватывающие. Над ними нельзя думать, критиковать—они побеждают слушателя. Какая благородная ненависть к гнету звучит в них! Какая фантастическая вера в революцию!

Бакунин рисует гостю непервоятные головокружительные перспективы революционной борьбы.

«...Что может делать наш умственный пролетариат, русская, честная, искренняя, до конца преданная, социально-революционная молодежь? Она должна ити в народ несомненно, потому что иные веде, по преимуществу же в России, вне народа, вне многомиллионных черных масс нет более жизни, ни дела, ни будущности...»

Они сидят друг против друга—старый бунтарь с таким бурным революционным прошлым, перенесший долгие годы одиночки, катарти, ссылки, один из создателей I Интернационала, великий представитель «сяющего двоевластия»,—и молодой, только вступивший на революционный путь разочарований, представитель того слоя русского населения, который с энергией и цепким упорством расчищал себе дорогу к знанию и жизни.

Сажин покорен Бакуниным. Назлектизированный его революционной энергией, он не замечает, как слабы теоретические построения великого бунтаря. Выросший в стране с неразвитым еще капитализмом, он не может разглядеть в плавленых речах ошибок, которые привели Бакунина к столкновению с марксовой теорией, к борбе и расколу I Интернационала. И потому, примкнув к анархистам, он не в состоянии уже избежать все к их заблуждений.

Деятельный, всегда реально практичный и в то же время неутомимый и неукротимый,—Сажин становится правой рукой Бакунина. С этого дня начинается их дружба, преданная дружба двух революционеров, прерванная только смертью Бакунина.

5. На баррикадах Парижской Коммуны

В ЭТОМ городе весна стоит как и всегда—очаровывающая и волнующая. Но молодой иностранец, идущий по незнакомым улицам Парижа, не замечает ее.

Вдруг он останавливается. Со стороны него трогательно-смешной вид. Он высоко закинул голову и восторженно уставился в одну точку: красные знамена развеялись над городской ратушей.

Чтобы увидеть это, он бросился в Париж при первой вести о Коммуне.

Дни проходят, как в углере. Сажин на митингах, на собраниях, он зачитывается декретами Коммуны.

Мечты претворяются в жизнь. Коммуна принимает в свои члены нескольких иностранцев (братьство народов!), Коммуна декретирует передачу оставленных фабрик кооперативным товариществам рабочих (первая ласточка коммунистического общества!).

Но трезвый ум Сажина не дает ему долго увлекаться. Он уже вслушивается в тревожные разговоры о силе версальцев, о военной угрозе. Он уж понимает, что положение погибло безнадежно. В вос-

кресенье 21 мая, во дворце Тюльери, на концерте в пользу вдов и сирот коммунаров, Сажин узнает, что версальские войска ворвались в Париж. Так что же: сдаваться? Удирать? Нет! Еще целую неделю коммунары, старцы, женщины и дети, сражаются на баррикадах.

В понедельник с утра Сажин рядом с ними. Вместе с ними он выворачивает камни мостовой, строит баррикады, стреляет с них. Падают убитые и раненые; свистят пули версальцев. Вечером на баррикаде остается караул, и штатские защитники ее идут домой до утра. Возвращаются в свой переулок Сажин и два коммунара-француза.

— Да завтра. Спокойной ночи!

Да, спокойной...

Но ночь еще не проходит, когда спокойствие снова нарушается. Сажин вскакивает от адского грохота. Стреляет артиллерия. Скорей на баррикаду! В переулке нагоняют двух коммунаров.

— Вперед!

Но пробраться невозможно. Версальцы обстреливают баррикаду из орудий и под их прикрытием ведут наступление. Из переулка нельзя высунуть носа. Одного из товарищей уже ранило в ногу.

ВВЕРХУ—Могила Бакунина на кладбище Берне (Швейцария). ВНИЗУ—М. БАКУНИН—силуэт работы Фидлера.

Сажин со вторым коммунаром тащат его в прикрытие.

Вдруг пули засвистели вдоль переулка—баррикада взята. Кругом версальцы.

Сажину остается сидеть в своей комнате, прислушиваться к далекой стрельбе (это еще борются на последних баррикадах) и к одиночным выстрелам (это расстреливают «подозрительных» жителей).

Только в среду удается выйти.

— Стой! — патруль останавливает.

— Кто такой? Зачем, куда идешь? Обыскивают, осматривают руки, нет ли на них мозолей. Спасает иностранный паспорт.

Сажин проходит мимо разрушенных домов, расстрелянных трупов. В фургонах сносят убитых в парк Монсо и закапывают там. Вечером из парка несутся стонь зажин погребенных. Он видит версальцев, заколачивающих окна в подвалах: женщины-коммунарки льют в эти окна керосин и зажигают его. Глупая клевета! Но она дает право расстреливать женщин и выкалывать им зонтики глаза.

А в центре уже открываются рестораны, вернувшись буржуа пьют и веселятся, и с торжествующим веем бросаются к окнам, когда мимо прогоняют на расстрел толпу коммунаров.

«Порядок восстановлен».

Сажину нечего здесь больше делать, и он уезжает.

6. В народ

В ДЕКАБРЕ 75-го года у Сажина, в Женеве, собирается группа друзей-революционеров. Звучат пышные речи.

— Не Бакунин ли сам говорил, что русский народ готов восстать? Чего же ждать? Не довольно ли пропаганды, печати литературы, подготавки к дальнейшему?

— Пора самим пойти в народ и поднять его!

— На Ураган! Там база; оттуда слали пушки Пугачеву. Уральский «рабочий» еще не забыл своего прошлого.

И революционеры пребывают в России.

После многих лет скитаний Сажин снова в родине. Увы, неприветливо встречает она его. Он называет себя другом народа, а народ подозревает в нем бариня, недовольного падением крепостного права.

Сажин скоро убеждается, что никакого восстания ему не поднять. И он уже про-

Ш В А Р Ц

(перенос со стр. 5-й).

За приговор по делу 193-х был убит революционерами начальник III отделения генерал Мезенцов. Сажин узнал об этом лишь через год, случайно натолкнувшись в сборнике религиозных проповедей на «Слово, произнесенное архиереем в годовщину убийства генерала Мезенцова злодиями - революционерами».

Сажин не сломили кандылы, в которые он был закован, темная и сырья камера, жесткие нары без постели и одеяла, — но он был оторван от жизни.

Когда через многие годы он вырвался на волю, вокруг была уже другая жизнь, другие люди, новые речи и борьба, — а Сажин был уже стар, он уже весь был в прошлом. Он остался тем же революционером, но ему уже нельзя было попасть в ногу с идущими бордями.

«Убеждения свои он сохранил, но он их сохранил, как воин, не выпускающий меч из руки, чувствуя, что сам ранен навылет». Так сказал Герцен о другом, но эти слова говорят и о судьбе Сажина.

И все-таки Сажин оказался счастливее своего учителья Бакунина.

Тот, кто так горячо звал революцию, всю свою жизнь нетерпеливо ждал ее, — умер в изгнании, тоскующий и разочарованный. Мог ли он ожидать, что его ученик увидит, наконец, эту великую русскую революцию...

8. Ветерану революции

НЕДАВНО старые революционеры — друзья Сажина — чествовали его 80-летний юбилей. В тесном кругу стариков — бывших политзаключенных, ссыльнопоселенцев вспоминались былья времена. Вдруг в маленькой тихой зал ворвался молодой радостный голос:

— Алло! Алло! Алло! Ветерану революции — Михаилу Петровичу Сажину — много лет!

Это радио слало привет. И, казалось, он идет из необъятной глубины, из самой гуще народа, отозвавшегося, наконец, на революционный клич борца. Привет говорил о том, что мы подхватим флаг борьбы, донесенный до нас этим стариковским сквозом долгую ночь царизма; он говорил, что мы помним и читим наших героев, Сажин шел ошибочным путем. Мы знаем другую научную теорию революции — марксизм. Но дух революции, ее беззаветная преданность и вера в свое дело мы наследуем и от Армана Росса — Сажина, живущего среди нас, как живая память героического бытого.

Михаил Петрович САЖИН (последний портрет)

бирается обратно... к границе, в новое изгнание, к новой борьбе.

Измученный, обросший, приходит он к знакомому контрабандисту. Еще пара часов — и он будет в безопасности, на своей второй «родине» — эмиграции. Там придется собираться с мыслями, переварить этот неожиданный разочаровывающий опыт, начать налаживать новое революционное дело...

И вдруг к комнату вваливаются жандармы. «Платайтесь» место провалилось.

Сажин схвачен и уже в третий раз за последние месяцы едет по той же дороге, но на этот раз в арестантском вагоне под усиленным конвоем.

Полтора года затратил Сажин в каземате Петропавловской крепости ждет суда. Наконец, начинается процесс 193-х. Сажин среди подсудимых. Свирило направляются царское правительство со своими врагами. За хождение в народ, за пропаганду оно послышил их в катаржные тюрьмы и Сибирь. Суд приговаривает Сажина к долголетней каторге и вечной ссылке.

7. Изъят из жизненного обрата

СЫЛКА «изъяла из жизненного оборота» Сажина.

В страшном Харьковском Централе он еще цепко хватался за жизнь. Тайно от тюремщиков переписывался со своими заключенными товарищами. Подчеркивая незаметными точками буквы в блини, дал резкую отповедь клуку одного из товарищей.

Но осужденные были «щательно закупорены от внешнего мира».

И, точно разрезая для сущинящих самолета, вынырнула из-под них маленький «Ньюпор». А те двое, медленным шагом, винта воздуха, хотели винтиться в землю близко один от другого. «Шантрапа», — заблужденно подумал поручик Шварц, видя, как отрыв вертлужского «Ньюпора» для передачи «Солнечного» в первом взрыве, и, перекинув свою ладонь, не доходя до уда, кое-как обрасывают свою десигнаторику. — К матери их, я до станции доберусь, только бы Николай не срефил. Неужели так уходить не солонь хлебами, ведь эта же красная сквозь издаваться будет потом. Нет, шальмы я вон винты, — и, склонив голову, кружася, поклонился Шварц пошли панихиду в темному пятну загроможденных стаплинских путей.

Поручик Шварц отлично знал, что, отступив умелой рукой Горлова десигнаторику, десигнаторику самой центри Тихорецкого узла. Поручик Шварц, когда-то, когда-то самолет из винта, повесившись головой на его тело, опустился на землю, отчего-то оторвав пальцы куда-то вниз, назат, откусил прямо в брюхе его «Солнечного» сморотил ногу «Ньюпора», и поручик Шварц совершенно ясно смог рассмотреть на «Ньюпора» пыльную широкую и облученную кипящую пылью. «Ньюпор» оторвался от земли, поручика, и рука его сама защадила рукой, подавая ее от себя дог-отказа. Самолет кротко измуркал винт, а Шварц отвел в сторону глаза, чтобы не видеть той вспышки на носу «Ньюпора», которая должна была блеснуть ему в лицо.

«Ньюпор» же в это время, бесцельно ткнулся в землю, где-то там что-то «Солнечное», болезненно дернулся и вынырнул за них винт.

Падец красноноса Шварца застыл на спускном крючке пуломета — выстрелов нет. «Винккер засел и пустил патроны... нет, патроны должны еще быть», — значит, задержка. Где-то у него в ушах, в груди, в спине, в животе, вперед упали с бортом правым на становище, вихрем неслася в голове, в то время, как глаза снова сами искали противника. А «Солнечный» уже уходил в том направлении, где в предзакатной сырости скривлялись еще две черные такие.

IV

БЕСЧУЩАТОЕ лицо военкома было так же бледно, как и лицо «Ча-баса», болезнено дернулся и вынырнул за них винт.

Падец красноноса Шварца застыл на спускном крючке пуломета нет. «Винккер засел и пустил патроны... нет, патроны должны еще быть», — значит, задержка. Где-то у него в ушах, в груди, в спине, в животе, вперед упали с бортом правым на становище, вихрем неслася в голове, в то время, как глаза снова сами искали противника. А «Солнечный» уже уходил в том направлении, где в предзакатной сырости скривлялись еще две черные такие.

V

БЕРИТОЙ голове, обтянутой кожаным шлемом, мом, отрядной струйкой сочилались мысли: — «у него, вероятно, задержка, одному исправить, уду... уду... уду...», — закончила мысль, и пресмыкаясь твердость вернулась к руке поручика Шварца.

А немного впереди и под ним на комариных лепестках «Ньюпор», скользящий в злобный комок, летел красноволосый Шварц, и мысли огненными молотами стучали в виски — «садиться, садиться обязательно... но как?». Вдруг общая мысль хлестнула в мозг: «Садись на крыло!». Понимаешь, что, нарочно его выпустили вперед, чтобы же комескар сказал мне: «мы не можем вам доверять, так как вы фицнеры... дурраки!». И, упершись лихорадочно горящими глазами в самолет противника, красноволосый Шварц резко взял на себя рукоятку: — «только задень».

Синзу вверх, перед носом поручика Шварца всплыла голова синеватого комка, и он, не успев сделать что-нибудь для того, чтобы избежать удара, «Ньюпор» всем тяжестью обрушился ему на голову. Потеряв управление в воющем низке падения обломков двух сцепившихся аппаратов, поручик Шварц увидел лицо, показавшееся ему до боли знакомым, но сознания было заполнено только страхом и беспомощностью.

И только уже после падения, когда мысли превратились в сплошной огненный комок, перед поручиком Шварцем снова всплыло знакомое смуглос лицо: «А при чем же здесь братинка Александар? Ведь его же выгнали из корпуса за полит...» — и больше не осталось мыслей в кровавом мешке, набитом костями поручика Шварца.

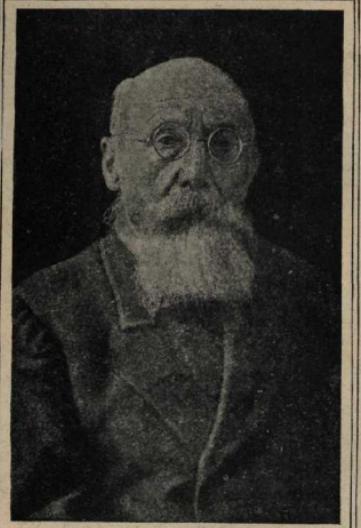

ФОТО-ЭКРАН

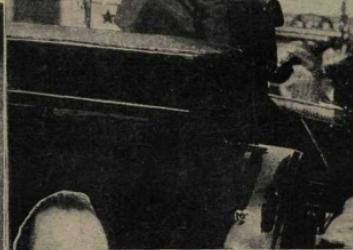
ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

ВВЕРХУ: Алексей Иванович РЫКОВ (Он в последние снимки во ртм XIV Съезд партии).

ВНИЗУ: ЛОКАРНСКАЯ ПОДПИСЬ. Делегаты из Германии, Польши и Швейцарии подписали Пакта о ненападении (Германия), Вандерсльде (Бельгия), Вимана (Франция), Боддичина и Чемберлена (Англия).

СПРАВА: Николай Иванович БУХАРИН (Снимок сделан на XIV Съезде партии).

ВВЕРХУ: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ—Солдаты в форме генерала ФЫН-ЮН-СЯН.

СПРАВА: ВАН-ЦИН-ВЕЙ, глава Чантоцкого правительства. Это письмо сдано представителю американского консула в синдикальном банке в Кантоне для подписи, сделан большевиком, получающим инструкции из Москвы".

ВНИЗУ: БОМБАРДИРОВКА ДАМАСКА — эшелон спасался от артиллерийского огня под защитой моста.

Б. Ярим
славский

СНИМКИ РУССФОТО

ВТОРОЙ НОМЕР „СМЕНЫ“

будет посвящен

ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЕ смерти ЛЕНИНА

ВВЕРХУ—ЕДИНЫЙ ФРОНТ ПРОФСОЮЗОВ— т.т. Томский и Пью, председатель делегации английских профсоюзов после сочинения в Берлине.

В СЕРЕДИНЕ: ГЕНЕРАЛЫ НЕ ХОЧУ ЗНАТЬ НИКАКИХ ПАРТИЙ, НО ДЕНЬГИ Я БЕРУ У ВСЕХ—«один из паката в Берлине. (Демонстрация протesta по поводу уплаты Вильгельму II, б. императору Германии, возвращенного за конфискованное имущество).

ВВЕРХУ: Л. Б. КАМЕНЕВ— к его выступлению на Съезде.

ВНИЗУ: Х. РАКОВСКИЙ и Г. ЧИЧЕРИН в Париже. Они сняты на террасе нашего представительства во время заграниценной поездки Г. В. Чичерина.

НОЙ СИБИРИ

ЦИКЛЫ, снимки Ф. ЗУБКОВА.

до полной победы над самодержавием. Речей никто не готовил. Говорили экспромтом. Но все речи были страшными, зияющими рванчами беспощадными.

Потом вступали королевские рабочие беспощадные. Из них заявлялось высказывание главного кондуктора украинца Дерготя. Он сказал всего несколько слов. Но эти слова были пересказаны такой едкой украинской солью по адресу царствующего дома Романовых, что Дерготя долго и бурно аплодировали.

Покончив с речью, мы предложили сейчас же избрать стачечный комитет для руководства забастовочным движением.

По заранее разработанному плану нами было предложено: избрать сейчас только ядро стачечного комитета из лиц, которых все знают и которых доверяют; затем, сегодня же к вечеру со-

ЗДРАВСТВУЮЩИЕ НЫНЕ члены Зиминского стачечного комитета: СЛЕВА—Д. Синицкий — первый выборный комиссар и нал. участка трактира «Сиб. ж. д.» в гроз. воду. В СЕРЕДИНЕ: Ф. Березовский, председатель Зиминского стачкома и Зиминской группы с.-д. СПРАВА: — начальник Зиминской бойной дружиной и револ. милиции—Н. Марин.

КРОТИК ЦАРЯ: «Наконец-то я могу жить в мире со своим кротким народом». (Немецкая карикатура конца 1905 года).

браться всем по службам и избрать в комитет по одному представителю от каждой службы и от больших контор. Никакой нормы представительства не устанавливалась. Да нам некогда было и подумать об этом раньше.

Я хотел предложить список лиц из нашей группы в руководящее ядро. Но толпа преградила мне путь. Со всех сторон закричали:

- Миреева!
- Березовского!
- Синицкого!
- Потрекова!
- Краснова!
- Рязанова!
- Кабанова!

Эти фамилии выкрикивали долго и настойчиво. Когда я предложил голосовать, поднялись почти все руки.

II. Расстрел митинга

ТАКОГО ОКОЛО ДЕСЯТЫХ бросился в глаза следующее: из пушек и около находившихся стоят вооруженные солдаты с зараженными поездами; дежурные рабочие посыпали снега; только около холодных паровозов гудят; а между тем сквозь снег видны засланные фигуры. Но ворота, ведущие в кузницу, были закрыты, и солдаты охраны, воротам тянулись толпы рабочих и служащих. Мелькали фигуры женщин.

Перед началом митинга ная сообщили, что в клубе офицеров снали были обещания с железнодорожным начальством. Монтер день и раззор в движении Угличанам доказывал, что забыл обещание, и что, если не выполнит, то не принять. Зато решено занять вооруженный снегом все депо с вечера. Несколько паровозов уже заморожены, —благодаря наступлению сибирских холода и неумелому обращению солдат.

А кузничный цех был уже полон народом. Отсюда и заслышал я, что в депо снали сняты и два окна. Двери были заперты. Через окна видны были фигуры вооруженных солдат в кожаных папахах. Рабочие мирие переш-

говаривались с ними через разбитые стекла.

Мы пришли не обращать внимания на присутствие солдат в саде, сидели цехе, и открыли митинг.

Трибуны служили все те же кожухи сухопарных колхозов.

Под гром аплодисментов объявила состав стачечного комитета и президиума.

Толпа бурно аплодировала ораторам.

На конце митинга была оглашена и программа наших требований.

От имени Зиминской группы с.-д., я предложил двинуться всем в поселок и хотел уже объявить митинг закрытым, но в этот момент из толпы кто-то попросил меня объяснить: что значит красный цвет национального флага? Я не успел даже готов уж был сказать: «объявляем митинг закрытым», как из другого отделения донесся звукожажий на рев медведя. Это ревел гордый гусь, призывающий матерей к ратям.

В такое мгновение внезапно наступила тишина. Все трепетно устремили взгляды в сторону машинного отделения. А гусь ревел жадно и потуже. Наконец, всем стало ясно, что гусь провокационный. Группа возбужденных рабочих, стоявших близ двери, ведущей в твердышку, с криком рванулась на толпу к двери и наставила ее на пытаться открыть; они хотели пронести в машинное отделение с тем, чтобы отбить гуска.

Я успел только крикнуть:

— Товарищи! Это провокация начальства!.. Соблюдайте порядок!.. Бросьте, не ломитесь!..

В этот момент раздался звук, похожий на треск сухой душины.

Толпа замерла.

Около двери произошло какое-то замешательство.

Снова раздался треск душины.

Я стоял на коленях, смотрел в сторону двери, но не мог понять, что там делается, потому что рабочие отскочили от двери и за метились в толпе.

В третий раз затрещала душина.

Потом в тот же момент, задние ряды, стоявшие около двери, отчаянно закричали:

— Стреляйте!

И обезумело шарахнулись к середине, налезая друг на друга.

Протрещал четвертый залп.

Толпа дрогнула. Метнулась к выходу. И побежала вниз по эскалатору.

А в ее стремительном беге не верши, что трех сухой душины есть не что иное, как дядьки солдат, стrelающих через закрытую дверь. В таком же недоумении слади меня стояла на коленке кто-то второй.

Надрывались, мы кричали:

— Товариши! Стойте! Стойте!

Но это было бесполезно.

Охваченная паникой толпа стремительно искалась к выходу. А сзади толпы падали и корчились по полу окровавленные рабочие.

Только теперь я понял, что в нас стреляют. Мы с Ермаковым пытались из толпы Бекалы, Крикун, призывающие отступать и помочь раненым, но нас никто не слушал.

Лишь за воротами к нам присоединились Шуланд, Синицкий и несколько женщин. Мы продолжали кричать, призывающие на помощь раненым. Постепенно вернулись несколько рабочих. Каждый из них обратился за помощью к своим товарищам, чтобы помочь им выбирать раненых. Их оказывало сорок человек.

Солдаты стреляли из помещения, под которым было значительное ныне поле кузнецкого цеха, поэтому пути проходили через двери, снизу вверх и ударялись в потолок; лишь некоторые задевали людей в дверях и ударялись в металлические части потолка, рикошетом падали вниз.

Если бы солдаты стреляли по прямой горизонтальной, убитых и раненых было бы много.

Раненых подхватили и понесли в больницу. В пустом здании стало тихо, как в гробу.

Мы заглянули в окна, ведущие в соседний цех, и увидели, что там никого нет.

При выходе из здания, столкнулись с ротмистром Богуславским, которого окружала группа жандармов. Он began оловянными глазами по раненым и бормотал:

— Что такое? Что случилось, господа? Кто их послал?

Вокруг насустроилась небольшая толпа. Рабочие закричали:

— Полдеть!

— Убийца!

— Еще спрашивает, сукин сын!

— Убийца!

— Мародер!

Жандармы хватались за револьверы.

Богуславский остановил их:

— Погодите...

Посмотрел на ругавящихся рабочих и молча пошел вперед за ранеными к больнице. Туда же пошли и мы.

21 октября враг Донецк сообщил стачечному комитету, что для спасения Донецка, одного из раненых при расстреле, его необходимо отправить немедленно в Иркутск на операцию, в противном случае гибель Донецки, неизбежна.

Стачечный комитет решил, тогда же отправить Донецки в Иркутск. Для этого собрали одногодовые вагоны и пассажирский паровоз.

Железнодорожное начальство и офицеры, узнав о нашем намерении, предложили стачечному комитету ультиматум: или выпустить со станции одновременно с поездом Донецки и воинские части, или же оставить Донецки будет задержан воинской группой.

Содержание ультиматума сообщили т. Донецки. Совершенно спокойно Донецки заявил:

— Они хотят на нас сорвать забастовку... Но это не удастся им. Лучше я умру... но не допущу срыва забастовки...

Слово это дал Донецки, соединив руки, что спасение его жизни зависит только от поездов в Иркутск и что стачечный комитет готов наступить с тем, чтобы выпустить воинские поезда, приводить забастовку.

Донецки настойчиво повторял:

— Да я не согласен на это. Нет, доктор, лучше я умру... но не допущу, чтобы твои товарищи

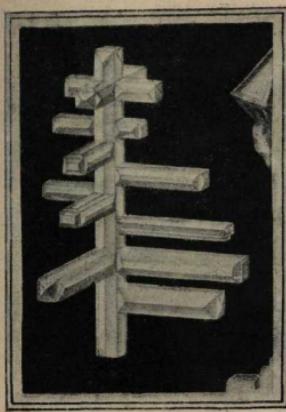
засыпали.

Так и не сломлены решимости умирающего Донецки. Вечером Донецки умер.

Забастовка продолжалась до 22 октября.

КАК РАСТУТ КАМНИ

А. ШОР-ИН

ПРИМЕР СЛОЖНОГО КРИСТАЛЛА: самородная медь с зернами Верхнего (Канада).

ВС ЖИВОЕ движется, ищет себе пропитание, растет, размножается, борется за существование, а камни — нет. Ученые не находят в камнях никакой жизни, и, например, в наименовании «животные устрицы» есть ошибка: они не выделяются под влиянием воды, ветра, солнечного тепла и ночного холода. Тогда они расходятся и превращаются в песок, который хрустит под нашими ногами, когда мы идем по берегу. «Растет, движется и размножается» лишь живое, и это не значит, что камни не живут. Просто мы, думали наши отцы и дети, так думают очень многие и сейчас. И, чтобы объяснить это, придумана особая «тайнственная «жизненная сила», которая свойственна — только живым существам. Под влиянием этой «жизненной силы» и происходит рост и размножение. В момент смерти эта «жизненная сила» отрывается от тела. Таким образом непрекращаемая прасть оказывается между скелетом и азымией природы; ведь в последней нет «жизненной силы». Камни не живут, никогда не дышат и не питаются, не растут и не размножаются.

Но так ли это на самом деле?

Что живое, например, действительно растет это ясно для всяких. Но неужели могут растуть камни?

Наблюдали ли вы такую картину: В городе праздничный базарный день. На площади палатки с различными товарами. В проходах масса народа, шум, толчья. Между палатками медленно пробираются старики. В руках у него корзинка с какими-то бутылками: внутрь них будто касаются кисточкой. Старик вечно приводит кисточкой привлекательное лицо товарищу. Постепенно около него собирается народ, и тогда он вынимает из корзинки одну из бутылок, наполняет ее прозрачной жидкостью и затем подмешивает еще что-то. И вдруг проволочки в бутылке начинают быстро у тол-

заться. На глазах удивленных зрителей они быстро обрастают короткою серою шубой — и через несколько минут, вместо проволочки скелета в бутылке видят «человечка»: с руками, ногами, головой, даже усами.

Что же здесь произошло? Но если в бутылке старики вселась таинственная «жизненная сила», о которой мы уже говорили? Для того, чтобы понять в чем тут дело, надо произвести небольшой опыт.

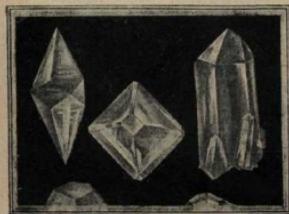
Возьмите самый обыкновенный стакан на лейте в него воды и насыпьте горсть соли. Соли надо взять много, чтобы вода не могла растворить ее в воде, но осталась бы в стакане. Добавляйте соли, пока она не вырастет под влиянием воды, ветра, солнечного тепла и ночного холода. Тогда она расходится и превращается в песок, который хрустит под нашими ногами, когда мы идем по берегу. «Растет, движется и размножается» лишь живое, и это не значит, что камни не живут. Просто мы, думали наши отцы и дети, так думают очень многие и сейчас.

Итак, теперь вы возьмете такой праильный, скажем, кубик из обыкновенного куска камня, снова посыпите его в раствор, то есть скоро будите, что он уже не будет обрастиать так равномерно, как когда был цел. Нет, он будет расти гораздо сильнее на поврежденном месте и медленнее на целых, и расти до тех пор, пока опять не примет правильной формы. Только тогда скажем, что увеличивается снова равномерно со всех сторон.

Оказывается, кристалл может не только расти, но и **затеминять** свою форму, то есть уменьшать ее, как и живой организм. Более того. Иногда у вас в стакане на одной из граней большого кристалла может образоваться новый маленький кристалл, и если одна из его граней вместо одинаковых получается не склонной кристалла, и каждый из них будет иметь совершенно такую же правильную форму кубика. Мы открыли еще одно свойство кристаллов: они могут уменьшаться в числе, то есть расти и моножутся.

Как же происходит процесс кристаллизации? Когда вода остывает, она становится на воздухе, то есть при комнатной температуре вода хотя медленно но все же испаряется. Соли, благодаря этому, стало как бы больше, чем ее могло быть растворено в оставшейся воде. И вот ее мельчайшие лишенные частицки — молекулы, стали оседать на подвешенный кусочек, притом в спре-

ГИАНТСКИЕ КРИСТАЛЛЫ: изогнутые извальтовые столбы на острове Рейон.

Кристаллы простых систем.

Сросшиеся кристаллы цветного серебра.

Сросшиеся кристаллы цветного серебра.

деленном порядке. Постепенно, слой за слоем, стал расти кристалл покрытый соли.

Если в тепле испарение воды ускорится, то ускорится и рост кристалла. Если на холоде испарения замедлится, то замедлится и рост кристалла. Простые механизмы, которые управляют испарением воды и осаждением молекул, неразрывно связаны друг с другом. Если изъять не соль и не воду, а другие вещества, то скорость кристаллизации была бы другой. Вещества можно подобрать так, что осаждение кристаллов будет происходить чрезвычайно быстро. Так например, если старик наложит на него в бутылку вокруг проволоки массами из серы, то растут серые кристаллы, благодаря которым и получается впечатление, что утолщаются сами проволоки. Кроме того, и сама форма кристаллов может быть иной, чем у соли. В зависимости от вещества они могут быть то четырехугольные, то шестиугольные, то стеблевые с зигзагами. Цвет их может быть также самым различным.

Скопления этих кристаллов могут иметь также разный, иногда чрезвычайно причудливый, вид. Вот скопление кристаллов и есть и на главном титстом стекле, подобно ветям дерева, торчащим в разные стороны другие стекрины. Все это тоже называется скоплением соли. Оно сгущается в кипу из пыли. А вот кристаллы из цветного серебра. Ни ее волокнах, подобно окаменевшим птицам, висят круглые кристаллы, а мельчайшие похожи на листья и иглы. И все это образовалось и выросло из мельчайших частичек вещества в силу простых механических законов.

Но, скажете вы, ведь все это получено искусственным путем. Ведь это не камни и потому, все эти образования — это магия!

Но это не так. Кристаллы, например, искусственным путем можно получить кристаллы в метр высотой, которые будут весить 100 килограммов. Далее, если вы пойдете в минералогический музей, то вам покажут массу кристаллов, взятых прямо из природы. Большинство камней таковых, которые лежат на берегу реки, образованы когда-то в природных, а не искусственных, веществах.

Есть **бетон**, вещь состоящий из темной почты, черной каменной массы — **базальта**. Эта каменная масса острока не сплошна: она вся состоит из отдельных гигантских столбов.

Итак вы видите, что камни растут, растут в стакане в лаборатории химика, растут и в природе. Больше того. Они, оказывается, могут даже заливаться свои раны и увеличиваться в числе. Но где же здесь жизненная сила? Ее не существует, ее не изобретают, как вы видели, благодаря простым механическим законам. Где же и та непрекращающаяся пропасть, которая якобы лежит между живой и неживой природой? Ее также нет.

Правда, междуростом камней и ростом живых организмов существует и разница. Кристаллы растут путем простого осаждения спарухи молекул. У животных и растений этот процесс происходит между слоем клеток, то есть в организме. Среди множества им веществ, перерабатывают их внутри своего организма и только тогда уже строят из них свое тело. Но эта переработка и этот рост, происходит все же лишь в силу химических и механических законов, совершенных так же, как и рост кристаллов.

Жизненной силы и в живом нет так же, как нет ее и при росте камней.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ОТЦЫ

В. МУРАЛЕВИЧ

Вот морской еж: его отец—порошки: таинище лошь. Когдато И. Делаж заставил его развиться из яйца этими порошками. Вот личинка другого морского ежа; ученыи — Купельвицер тоже получил ее из яйца, но при помощи семени... ракушки, а не морского ежа. Вот вам еще безродные: головастики лягушки. Их отец—укол булавки в руках Батайона. А вот—шмелковичные бабочки—видите целых четыре штуки? У одной отец—искра электрической машины, у другой—капля серной кислоты; у третьей—зубная щетка; а у этой—мамаша на тарелке. Бабочка с блестящим крылом, которая принесла мне однажды целых двести пятьдесят штук яиц, ни разу не встретившихся с самцом. Ее отец—мороз...

Мороз?—И кто это? Ничего не понимаю.—И я не понимаю... Но слушайте дальше.

— Известно ли вам, что почти каждое животное происходит из яйца? И что из этого яйца у большинства животных может развиваться новое существо только после того, как в яйце проникнет с семенем-матка самца? И вот: каким образом семеначатка может заставить яйцо развиваться,—до сих пор было тайной. Такой же тайной, как и вопрос о возникновении всей жизни. А теперь эта тайна раскрыта. Она сведена без остатка к химическим процессам—рас и навсегда. Эта тайна оплодотворения также проста, как получение от этого куска медного оупороса: капните серной кислоты в щепотку медных опилок и вы завтра же получите в вашем стаканчике кудынья кристаллы лучшего медного купороса, синие, как небо Италии.

— Но ведь это же—яйца животных. Ведь это—настоящее чудо?

— Никакого чуда...

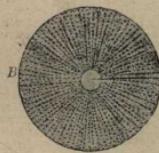
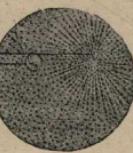
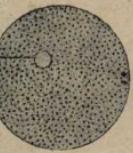
— Уже в 1885 году русский зоолог А. А. Тихомиров получал шмелковичных бабочек из греши с помощью одного только трещина, электрического разряда, зубной щетки, одного примораживания яиц. В свое время другим удалось заставить развиваться неоплодотворенные яйца морского ежа простой подсоленной морской водой.⁴ Вы видите—все простые физические воздействия.

Однако, все личинки из таких яиц, начиная развиваться, быстро погибли: никакими усилиями не удавалось довести их до взрослого состояния, как это удавалось Делажу. Но, наконец,—вот рассмотрите этот рисунок.

— Вы решили открыть тайну развития?

— Я решил приступить... к микроскопическому исследованию яиц. Вот видите: это неоплодотворенное яйцо, это оплодотворенное. Они отличаются...

— Тем, что на оплодотворенном яйце появляется тончайшая оболочка, которой нет на неоплодотворенном?

ВВЕРХУ (слева направо): ЗРЕЛОЕ ЯЙЦО морского ежа с женским яйром в середине.

— ЯЙЦО ВСКОРЕ ПОСЛЕ ОПЛОДОТВОРЕНИЯ: полочка проникшего в яйцо сперматозоида (семеначатка самца) видна справа в системе лучей.

— ОПЛОДОТВОРЕННОЕ ЯЙЦО (следующая стадия): мужское и женское яйро сближались настолько, что окружены общим системой лучей.

— ЯЙЦО ПО ОКОНЧАНИИ ОПЛОДОТВОРЕНИЯ: оба яйра, мужское и женское, слились соединением.

ВНИЗУ: МОРСКОЙ ЕЖ фазандит в европейских берегах. Такой экземпляр был выведен из яйца искусственным оплодотворением.

— Совершенно верно. Вся тайна—в природе этой оболочки.

— Но какими же образом? Каким?

— Этую оболочку на яйце делает семеначатка: как только она проникает в яйцо, на нем появляется оболочка. Если этой оболочки не получается,—яйцо гибнет; есть оболочка—и яйцо развивается.

— Теперь скажите—для развития яйца достаточно вызвать образование этой оболочки, и только?

Да, и только. Яйца держали всего одну—две минуты в морской воде, к которой прибавлено немного масляной кислоты и когда потом перенесли их в чистую морскую воду, на всех них получилась совершенно такая же оболочка, как если бы в яйце проникла семеначатка.

СХЕМА СПЕРМАТОЗОИДА: а—волочка и ости, посредством которых сперматозоид проникает в яйцо; б—средняя часть; в—хвостик.

И яйца затем развиваются до конца, как оплодотворенные.

— Но почему же тут малятия оболочка?

— Смотрите на эти рисунки. Вы видите, что у нео-

плодотворенного яйца оболочки нет, но зато вместо нее есть особый корковый слой. Он должен быть разрушен, прежде чем яйцо получит способность размножаться.

— И все открытие состоит в том, что найден способ разрушить этот корковый слой?

— Нет. Открытие состоит в том, что безразлично, каким способом будет разрушен этот корковый слой. Это может сделать и семеначатка, а может и встрихиане, и укол простой булавкой, и каплю чужой крови, и электрический разряд, и простое замораживание.

Ну, а какова же тогда роль семеначатки?

Она одна делает то, что морская вода и масляная кислота только в двоем. Вы понимаете, что для развития яиц нужна была подсоленная морская вода и масляная кислота. Так семеначатка и вносится в яйцо два вещества: одно—действует, как масляная кислота и растворяет корковый слой неоплодотворенного яйца, но зато одевает яйцо оболочкой; другое—действует, как подсоленная вода—and делает возможным его развитие...

— Но каким же образом разрушение коркового слоя может вызвать развитие яйца?

— Повидимому, очень просто: корковый слой мешает яйцу дышать. Ведь через него кислород, кажется, не проникает. Ученые рассчитали, что оплодотворение, которое разрушает корковый слой, увеличивает усвоение кислорода в пятнадцать раз. После этого яйцу, значит, дается в пять или шесть раз легче и оттого оно и начинает бурно развиваться до самого взрослого состояния...

— И только?

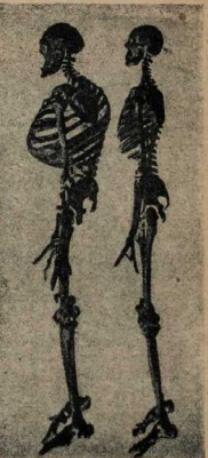
— Только... Никакой тайны развития нет. Таинственное свойство живого существа—размножаться—целиком сводится к простой физике химии. И это не фантазия. Это—опыты самых точных лабораторий Европы и Америки. Нужны для этого «дух», «живицкая сила», «пророчество» и «творец! Творец, мой друг,—это ты, человек, с kostями и мясом. А проще—все мистика и Тиль.

Да—странный коллекционер... кристаллы, которые растут, как живые и движутся, как черви. Взрослые животные, у которых никогда не было отца... Отец—мороз, зубная щетка, капля кислоты... А где же дух? Что-ж он такое?

— Ничего. Его не существует.

ПОЛ И ХАРАКТЕР

Н. Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

ВОСЬМИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК, изображенный на этом снимке, оброс бородой и стал европейской мужчиной в половом отношении из-за усиленного действия половых желез, вызванного болезнью. После операции все временные явления пропали, и онстал нормальным ребенком.

МУЖЧИНА В ЮБКЕ, «бабник» был тебе быть», «зачем я не мальчик?», почему я не девочка?» — мало ли выражений в таком сорте мысли! Все мы считаем женщину чем-то иным психически, чем мужчину; все мы знаем, что женской характер — одно, а мужской — совсем другое, и все мы приныки к тому, что «курине не кричать петухом», что «женщины на мужчину не передаешь».

А, может быть, и можно?

Может быть, для этого только нужно узнать свою «секрет?» Узнать, — где спрятались эти самые мужские или женские черты характера? — Вполне естественно, что в первую очередь при этом вспоминается голова: ведь именно там мозг, а davon известно, что «бабий мозг хуже мужского». Что, если мы перенесем эти мозги, или женщины «придадем» голову мужчинам?

Это невозможно—скажете вы. Пока—да,—ответит наука. Но, если нельзя проделать такого опыта с человеком, собакой, птицей, то почему бы нам его не попробовать над более просто устроенным животными?

Погружаем предзлат это с каким-нибудь насыщенным, веществом водного жука-плавунца — самса и самку, отрежем и пересадим в землю, чтобы она не испустит, и результатом будет один из первенцев грибов, который называется «башмачок» и обнаружиться. Самец (у него теперь голова самой) находит себе, как самка, самки, делает даже попытки спаривания с ними (източение, что из этих попыток ничего не получается), но в конечном итоге у него остается одна самка. Впрочем, различие между самкой и самом, у плывущего спящим невелико для того, чтобы здесь можно было увидеть много интересного. Возьмем других насекомых.

песчаных откосах, можно встретить осу-аммофилу. У нее изящное, вытянутое тельце (красное с черным), ее брюшко сидит на длинном стебельке. Эта оса интересна своими заботами

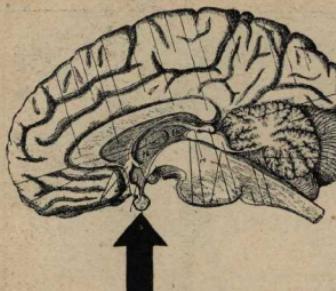

В СЕРЕДИНЕ: ПЕГУШИНЫЙ ГРЕБЕНЬ и «сережки», выросшие у курочки «Примы». (Опыты проф. Завадовского по переносу пола). Вместе с гребнем куриной приобрела все повадки петуха.

ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ МОЗГОВОГО ПРИДАТКА (эпифиза) превращает человека в великан. Если же к этому времени его естественный рост кончился, то продолжают расти одни конечности. На левом скелете видно, как увеличились голова, грудная клетка и руки по сравнению с нормальным скелетом (справа).

ми о потомстве: она не строит обительских гнезд, как наши обычные птицы; она не делает и общего гнезда для всего своего потомства; для каждой личинки она вырабатывает особую норку. Этой норкой она снабжает потом землю пылью, а пылью эта покрыта с залогом, совсем на похожий на пыль других ос. Оса-амфиолита добывает в пищу своему потомству гусеницы некоторых ночных бабочек и при этом парализует их уходом своего жала. Парализованная гусеница не умирает сразу, и ее может съесть гусеница из семейства синнели ос и превратить норку и исадить из нее яичко. Выведавшаяся личинка оси долго питается поэтому совсем свежими мясом личинок (чем и фабрикант консервов!). Продолжает все это консервное производство. Она не спешит разделять гусеницу, ее роет пищевод и — хороший предмет для нашего опыта: здесь голову сажни на тульище! Итак же что? Гусеница начинает пахать сама: ищет Гусенице, пытается парализовать ее, но... у нее нет жала. Насекомое из сил, влезает на гусеницу, схватывает ее за голову и... начинает ее поглощать. Вывод. Пересадка головы на дрозофиль, мы меняем и психику данного наряда, самец делается самкой, самка — самец по типу их поведения. Внешность и другие органы при этом мало меняются, а психика — это же не орган, это же не тело, это же не путь, например? Конечно, ничего не выйдет — они умрут. Верно, умрут. Но ведь потому, что мы еще не умеем доделать этого. Но ведь — они и не умели бы. Представьте себе, что мы научились... — куры не умеют пересадкой головы птичью на куричью, — курица не умеет пересадкой головы курицы, дратых с пухами — пересадкой птичьей головы на куричью; вообще будешь пересаживать; никто не умеет вести себя «птически». Но какое разодорование. Ничего этого нет. Мало того — птическая голова на тульище скоро (через 1—2 месяца) с своим птичьими признаками — исчезнет, борода. Перед нами будет самая на

ВНИЗУ: КРЕТИНИЗМ является результатом недостаточной деятельности щитовидной железы. Здесь изображены трое взрослых кр. типсов.

МОЗГОВАЯ ЖЕЛЕЗА (гипофиз) — небольшой отросток в форме яйца. Работа этой маленькой железы, (она весит около половины грамма) делает нормальных людей великанами или карликами.

стоящая курица и никто и не заметит, что голова у нее чужая. Пересяживаем голову курицы на петуха. Скандал. У куриной головы вырастает гребень и бородка—перед нами петушинная голова...

Почему же то, что удавалось с насекомыми, не удастся с птицами (не удастся и с млекопитающими)?

Разве здесь не в голове спрятаны особенности поведения самцов и самок, разве характер этики зависит не от ее головы?

Разве нельзя переделать петуха на курицу и наоборот?

— да, и еще лучше и легче, только...

Для этого нужно только вырезать петуху его мужские железы (семенинки), а на их место вставить ему (поместить в бровиющую полость) куриные железы (янкины). Через каких-нибудь 2—3 месяца вы не узнаете вашу курку и петухов—петух стал курицей, курица—петухом.

И не только по поведению, но и по внешности. Птицы, переделанные курицы не могут быть отстави, переделанные петухи не могут нести яйца—ведь, мы передали им только железы, а остальные части остались без изменения.

А с короной и bykem, бараном и овцой? Или с козой? Или д. можно сделать то же самое, что с птицами? Сколько хотите. И даже с человеком можно проделать такую операцию, и тогда вы вместо женщины, например, увидите мужчину по поведению и что-то кроме мужчины по внешности.

В чем же здесь дело?

У кур, коров, коз, человека, вообще у всех позвоночных животных мы встречаемся с особыми органами. Эти органы называются железами в внутреннем官能 (внутреннее) отделении, иначе—кровяными железами. Продукты, которые они выделяют участвуют кровью, проходящей через такую железу. У этих желез нет особых выводных протоков—трубочек, как, например, у слюнных желез или печени. Отсюда и название—внутреннее выделение (нет выводных трубочек), отсюда и—кровяная железа (выделение уносится кровью).

У человека много таких желез; они разбросаны по различным частям его тела, а их выделения играют колоссальную роль в нашей жизни. Все—наши рост, правильность телосложения, работа сердца, работа мозга, интеллект, наше восприятие, наш характер—все это очень зависит от деятельности кровяных желез. Продукты, которые выделяются кровяными железами, носят название гормонов. Гормоны эти—очень сложные химические соединения и, притом, действующие очень сильно даже в самых ничтожных количествах (например, дей-

ствие горючего—наркотичеков—адреналина—редко заметно уже при разведении его 1 : 350 000). Незначительные колебания в количестве того или другого гормона, поступившего в нашу кровь, резко отзываются на всем нашем организме.

Железы, служащие для размножения (семенинки и яйчики) вырабатывают не только яйца и семя; в них имеются еще и железы внутреннего выделения. И вот гормон этих желез, действуя или непосредственно на наш организм, или на другие кровяные железы, вызывает различные процессы, связанные с полом, т. е. рода отличий самца от самки как по внешности и строению тела, так и по психике, по характеру. Перемени у кур и петухов железы органов размножения, мы тем самым переменим и им самим другие кровяные железы. Гормоноказался другим, что и сказалось в соответствующих изменениях организма.

В области горла (переди шеи, у щитовидного хряща) лежит щитовидная железа. От нее

также зависит рост костей, правильное развитие кожи, умственное развитие, обмен веществ в организме. Если эта железа сильно недоразвита, то вместо обычного человека, мы увидим кретина (малорослый, неуклюжий, у него слишком короткие руки и ноги, неправильная форма головы, умственное это идiot или полу-идiot); обратно, при переразвитии этой же железы—скажем, сердце, дрожание пальцев, повышенность в движении, пугливость (Базедова болезнь).

Иногда попадаются чрезмерно высокие люди—неликаны, иногда, наоборот, карлики. Опять здесь дело не без кровяных желез. В основании мозга помещается самая большая железа—мозговой придаток. Примерное действие гормона этой железы, защищенной скелетом, называется карликом. А если эта железа начнет ненормально сильно работать уже во время роста (20—30 лет), то разрастается отдельные части тела—появляются уродливые большие руки, громадные губы, нос, подбородок. Одни человек всегда более или менее велес, другие—привыкли думать склонно к философии. Опять—гормоны—здесь—напоминание.

И не только на строения тела отзываются работы кровяных желез. Характер, поведение зависит от этой комбинации различных гормонов. Душевные болезни, по крайней мере, значительная часть их,—результат расстройств деятельности кровяных желез.

Мужской и женский характер зависит от гормонов половых желез.

Меньшийростженщин, более короткие конечности, большаяширина таза и бедер и, наоборот, меньшая плеч, более слабое развитие мышц, различия в качестве и количестве волос на голове и туловище, вообще почти все физические отличия женщины от мужчины—результат деятельности половых гормонов.

Колесо внутреннего выделения у разных людей эти же железы работают по-разному,

у одних того или другого гормона выделяется больше, у других меньше. Ничтожные колебания эти отражаются на организме, он-то и соединяет единство того или другого человека, и не может сказать никакой наименовательности, индивидуальности.

Работа кровяных желез идет различно и различные периоды нашей жизни; так, половая железа слабо развивается в детстве, зобная—наоборот (и т. д.), всем известны разные перемены в характере мальчиков и девочек, период их полового созревания, постепенные, последовательные колебания: наше настроение, наше самочувствие—целиком зависят от деятельности кровяных желез. То или другое количество адреналина в крови (адреналин—гормон надпочечников) резко сказывается на всем нашем организме человека.

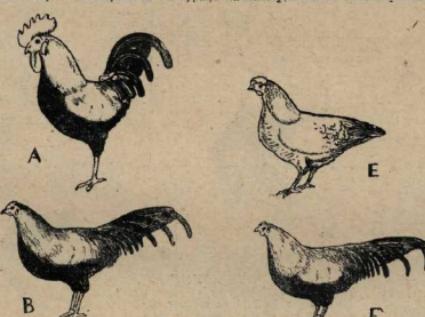
Насколько наши характер, наши настроения, вся наша умственная и чувственная жизнь в очень значительной степени зависят от деятельности кровяных желез. Мой духовный облик скрывается за собой не что иное, как то, что или другое количество гормона в крови. Изменяя производство крови гормонами в крови, могу изменить характер данного человека, могу изменить его духовный облик, переделать его «душу». Достаточно вырезать мужские семенинки и заменить их женскими, и получим духовную превращение в «женскую» Удали в мужчине семенинки и не замени их ничем—мужская «душа» исчезнет, женская не появится; будет человек без определенной «души» (спонс: он и по внешности—не то мужчина, не то женщина).

Итак,—таким моя душевный мир, каким он был?—Гормоны, гормоны и гормоны.

Вы, может быть, скажете, что вместо фантастического понятия «душа», вам подсовывают другое загадочное слово: «гормон». Нуичуть. Попробуйте изгнать гормон из организма, —чтобы, избавиться от всего этого. Вам это удастся, а горючина (адреналин или крахмальная мера) мы умеем уже изгнать, и скажу вам и. о. Попробуйте переделать мужскую «душу» на женскую, у вас ничего не выйдет, а билог пересадит половые железы и переделает вам этим способом мужской характер на женский. Что же такое ваша душа после этого?

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕТУХА В КУРИЦУ (слева) А—нормальный петух. В—петух, лишенный семенинок (мужских половых желез). С—тот же петух после пересадки от курицы яичников (женских половых желез).

ПРЕВРАЩЕНИЕ КУРИЦЫ В ПЕТУХА: (права) Е—нормальная курица; F—кастрированная курица (личинка яичников); С—кастрированная курица с развитившимися у нее мужскими половыми железами.

ПЕРЕХОД В НАПАДЕНИЕ: вся линия черных, завладевших мячом, идет вперед, передавая мяч с края на край. Белые стараются помешать передаче.

ХОККЕЙ

Б. ГРОМОВ, рисунки М. ЯГУЖИНСКОГО, снимки автора

ХОККЕЙ, пожувший громадное распространение за границей, в особенности в Канаде, Америке, Германии и Скандинавии, за последние годы завоевал и среди наших физкультурников большую популярность.

Весьма, действительно, футболом в СССР увлекается все, а хоккей—ничто иное, как видоизмененный футбол, весьма сходный по правилам с первым.

ПРИБЫ ИГРЫ (слева направо): **А—КАК НЕЛЬЗЯ ДЕРЖАТЬ КЛЮЧКУ:** ее зацепляет и изымает выше плеча. Пунктиром показано правильное положение при ударе.

Хоккей должен получить у нас самое широкое распространение, ибо это—единственная коллективная игра (занимающая сразу 22 человека) в зимнюю пору.

Играть в хоккей может любой, но хорошо лишь тот, кто совершенно свободно владеет коньками, без всякого труда и напряжения вертится на льду, делает резкие повороты, торпедо-чешетки, волны, и, конечно же, тот, кто, чтобы во время игры забыть, что стоит на коньках и льду, а не на твердой земле. Все ваши мысли должны быть направлены на маленький мяч, и в любой момент и в любом положении вы должны суметь отразить или отогнать его.

Поэтому наш совет: раньше научитесь хоронко владеть коньками, а затем уже займитесь хоккеем.

Площадка для игры в хоккей—это большой каток (желательно обожженный со всех сторон огнем) с ровной, гладкой поверхностью,

без трещин,—в форме прямоугольника длиной от 80 до 100 метров и шириной от 60 до 65 метров. О точных правилах писать не будем, отошли читателям к специальной литературе.

Коньки для игры в хоккей бывают двух систем: «Английской» Спорта и «Хагена». Первые имеют округлые лезвия и сделаны сплошь из стали; вторые—плоское лезвие. «Хаген» более лёгки по весу и чаще употребляются игроками хоккейистами.

Об одежде игрока говорить нечего. Ясно, что игрок какой-либо команды оденет форму таковой.

Ботинки с наглухо (непрерывно) привинченными ниппелями должны быть свободны в носках, но крепко защищены в под-

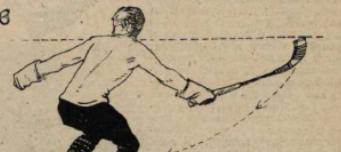
потому, что отмораживание пальцев часто привносит много страданий.

В продаже паносников не встречается, но их легко сделать самому.

Для игры в хоккей надо иметь специальную пару обуви. С этим приходится мириться, ибо кроме коротких и высоких ботинок мы находимся в коньках, поэтому сидят на ногах. На них игра невозможна. Но зато, если привести пару ботинок, их хватит на несколько лет (конечно, при разумном уходе за ними).

Как мы говорили, коньки бывают с круглым и плоским лезвием. В процессе игры бывают резкие остановки, перемены направлений, быстрые рыбы, бег по прямой на носках коньков. Все это с большим успехом можно выполнить на коньках с плоским лезвием. Но «Хаген», как уже сказано, своей легкостью дает неоспоримое преимущества в беге. Бег же в хоккее играет подчас доминирующую роль. Поэтому «Хагеном» пользуются наши

В—УДАР ОДНОЙ РУКОЙ—на ходу. Спрятка показывает направление движущия.

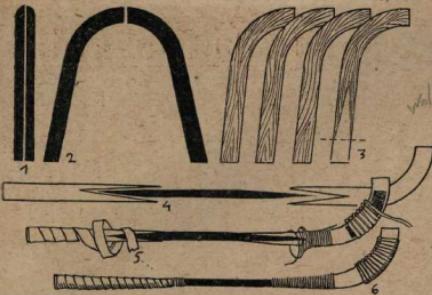
Б—УДАР ПО МЯЧУ ДВУМЯ РУКАМИ: вся скела свинцовая и теряет ход. Это показывает хоккейисту, что нужно убегать у чернокожего игрока на верхнем снимке.

если ботинок жмет ногу, то у вас есть опасность отморозить пальцы из-за неправильного кровообращения. Вместе с тем делают ботинки слишком широкими, с резким на сильные места, разрывом, так что при каждом движении они скрываются вспомогательными вставками, заворачиваются в газетную бумагу и одевают один простой, а затем перстянкой носок, или же сидят—ав на ботинки так называемые «паносники». Они делаются из сукни или кожи, простеганные ватой. «Паносники»—конусообразной формы—покрывают сверх ботинка пальцы ноги и подъем.

лучшие хоккейисты. Но это еще далеко не звание «человека». А для этого надо, чтобы в СССР, наши игроки с большим успехом поднялись им.

Г—ВЕДЬМЫ М.Л.ЧА—это наиболее употребительный способ для быстрого хода.

УСТРОЙСТВО САМОДЕЛЬНОЙ КЛЮШКИ: «б» показывает ее по частям и спереди: 1) распилка дури из длины в 1м 80см; 2) распилка в середине; 3) четверть изгиба куска с 6 см в сантиметрах; 4) соединение дури и клюшки; 5) ручка, камни и крючок; 6) голова клюшки.

В приведенном на рисунке центре конструкции клюшки из дерева она вспыхивает лишь с приобретением большого класса в игре. Но начинает с успехом, могут пользоваться обмыкновенными «Нурмиком» и «Снегурочкой». В этом случае у «Снегурочки» следует отшпилить (напильником) колыбельобразный загиб так, чтобы первая половина клюшки не доходила изгибом до конца ботинка. Этот конец надо закрутиться и на нем сделать нарезы, чтобы легче было бегать на носках, а также срываться с места.

Коньки в игре всегда должны быть острыми. Игрок на тупых коньках— для своих партнёров, которых от него не могут получить помощи, и для себя же самим, так как он представляет никакого препятствия и опасности.

Следующая принадлежность для хоккея это «клюшка». Она должна быть «по руке»—не слишком тяжела, но и не легка. Клюшку можно купить в магазине, но и легко сделать самому.

Для этого надо добыть камышевую палку или трост.

Клюшка состоит из двух частей—

крючка и дуги.

Крючок можно превратить в дугу из обыкновенной камышевиной дуги. Из новой дуги выходит 4 крючка. Дуга в этом отношении очень удобна, ибо ее изгиб весьма подходит к нужному изгибу крючка. Дуга распиливается сначала пополам, по середине изгиба, а затем каждая половина разрезается на две части таким образом, получается 4 крючка. Прямыми концами отшливаются и крючок по наружному изгибу будет 50-55 см. Ширина его будет 5-5,5 см, и толщина 1,5 см. Камни с двух противоположных сторон ставятся, чтобы они были заслонены. В прямой части крючка делается щель, куда конец камыша, сделанный клином, и вставляется. Вырез и клин смыкаются столярным клеем и стягиваются деревянной. Когда клей засохнет, крючок обматывается си-

ромятным ремнем. Под ремнем делается скользящий валик синтетическую камеру. Затем ремень такими образом, что ремень, разорвавшись в одном месте, не должен совсем расстягиваться. Если камень был мал и сломался, то способом, указанным выше, прикрепляется и ручка, которая сверху также обматывается кожей или тесьмой.

Принцип игры в хоккей тот же, что и в футболе. Игра ведется двумя партиями, при чем каждая команда старается загнать мяч в противника.

Чтобы научиться свободно бегать на коньках, надо на тренировках не кататься под му-

зыку, а играть с товарищами в «санки» и тому подобные подобные игры. Это приучит и необходимую быстроту. Игрок должен в совершенстве владеть палкой. На тренировках обращайте внимание и разумните технику удара по мячу, ведение его, остановку, пасовку и т. д. Вся масса ударов сводится к трем типам:

1) удар в спокойном состоянии по находящемуся мячу, 2) удар в движении, состоящий из удара по движущемуся мячу и 3) удар по подвижному мячу игроком, который находится в движении.

Все эти удары надо внимательно разучить и исполнить спокойно, без особых напряжений. Удары надо уметь делать с любой стороны: и слева и справа. Чтобы предотвратить возможный удар, от ударов клюшкой по противнику, в хоккее запрещено поднимать конец клюшки выше плеча (при замахе на удар).

Разница между хоккеем и футболом в тактике игры следующая: здесь совершенно не допускается какие-либо толчки противников, заграждение мяча и блокирование

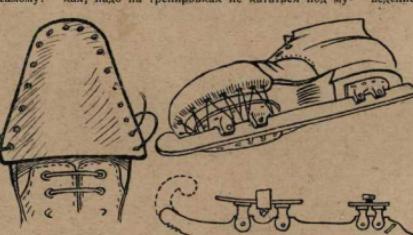
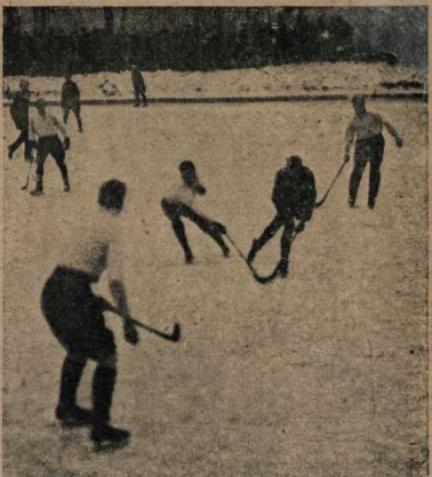
В игре каждый должен знать свою задачу и играть так, чтобы приступить к наибольшей пользе коллектива. Всякий раз, когда игрок одной партии завладел мячом, его партнеры должны занять такое положение, чтобы он мог им в любой момент передать мяч не быть замятой и не пропустить. Для этого все нападение стремится вперед, близко к противнику, полузащита также двигается вперед, чтобы быть всегда готовой оказать поддержку своему нападению. Наоборот, противная партия примет все меры, чтобы закрыть ход противнику, т. е. стать в такое положение, чтобы игроки пробивающиеся команды не могли сбрасывать мяч с поля от своего игрока. Вот основные задачи игры.

Об особенно трудной задаче—у центра полузащиты; у него двойная обязанность: поддерживать свое нападение и распределять игру, слева, чтобы игра шла не на одной стороне поля, а перекидывалась с края на края,—туда, где это выгодно в данный момент.

В хоккее играют не только клюшкой, но и руками, и поэтому хватка игрока больше, чем от хорошего владения клюшкой и бегом, но не сообразительностью.

В хоккее ни один игрок не будет без движения.

Класс игры команды тогда выше, когда каждый игрок ее учитывает полностью задачи всего коллектива для каждого момента игры.

НАОСНИКИ: гусиное покрытие, как синяя ткань и как прикрепляется. ВНИЗУ—**СНЕГУРОЧКА**, при пособничестве для хоккея. Конец синевы с синим обвязом, а внизу белые зубочки, как на коньках «Сальто». Они нужны, чтобы удобнее отталкиваться от льда.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРИ ПАСЕ: с мячом хоккей показывает положение игрока а, затормозившего ход, чтобы получить большую скорость.

П О Д Х О Д

Р. РОМАН

Рисунок В. СУТЕЕВА.

подзатыльник

... и становится папаша рядом с обезьяной, и такая между ними разница, что и говорить тошно...

ЧТО-Ж, товариши, и не против, я очень даже за. Но, что касается до антиленинской пропаганды Пострана я верю в ее моральные качества.

Раньше, в замке комсомольская ачейка в спешном порядке обрабатывала наших мамаш, папаш, а у кого бабушки завелись, так и них (что ж бабушки — не человек, что ли?), а у меня и раныша, на радость мне прошелест и мамаша отвечавала, и бабушка стояла! Волей праздника собралась — большому театру ровесница, —этакий грибочек зеленый.

Одним словом, широкое поле деятельности — искальдайся.

И тут же — тут же —

В предыдущем времене легче было. Рассказ при попугайчиков позабыли, дыланы разыщи, наливающиеся и канаве, а я то и воне просто смеха попова кота скисидаром, и отбыл из города огороженный, — отбыл антиленинскую повинность.

Полный комплекта!

Одним словом, широкое поле деятельности — искальдайся.

В предыдущем времене легче было. Рассказ при попугайчиков позабыли, дыланы разыщи, наливающиеся и канаве, а я то и воне просто смеха все их изучать, то мозга за мозгу застает; удовольствиями — никакого, а государству — расход.

Но, однако, делать ничего, и из неус существенную науку не вымышишь — читать пришлось.

Два дня читал, потом бросил. Все равно, всего не прочтешь. Задание ударило, срок на носу. Полномаским раздражительским создание и начал.

Напиш с бабушкой,
Ночень с бабушкой, — спросите вы.

Очень просто — были она малость с прядильной, и потому легче всякой другой обработке поддавалась.

— Бабушка, а, бабушка!

— Ась, — говорит, — инуек.

— А я ведь вы, говорю, бабушка,

и обезьяна произошла.

— Что?! — говорит бабушка, и за kostыль берется.

Однако, я веду себя геройски. Очень, говорю, просто, бабушка, и только произошли мы не от обезьяны, а от обезьяны.

Ну, тут, дорогой мой, зеленый грибочек разделен.

— Как, говорит, от обезьяны, париншен? Это ты, может, от обезьяны произошел? Оттого что было неслыханное счастье?

— А я ведь вы, говорю, бабушка в молодости? Самы крокодил в старости! Молчите, уж если на смерть в очереди стоят!

Ну, бабушка, натурально, за сто лет слов много узнала. Язык насобачился — одним словом, когда мамаша прибыва, так говорить убо больше нечего стало. Поплыла в ход жесты.

Видя, что мы уклонились от первоначальной темы, я сказал:

— Напрасно спорите. Все мы изошли от обезьяны.

Ну, тут образовался единий фронт против меня. Мне тут припомнили, и мон подание возвраниши, и испорченную в золотом детстве простиши, и разбитым в 1913 году носу, и разбитое третьего дня блодице.

Впрочем, в разгар битвы мамаша стала выполнять обязанности красного креста: она обняла меня со слоями утешения:

— Бедное мое лягушко! Сходишь ты у меня с ума, перенес моя неизгладимый! Вот же и до обезьяны доспехи сорвалась!

Буду, со двора донеслись жалобные звуки шарманки, а так как моя семье очень музикальна, то все поспешили к окну. На мое несчастье, на шарманке кружилась и скользила от холода... самая настоящая обезьяна.

— Ага, — говорит папаша, — прощай!

— Проверим! — говорит я.

И становитесь папаша рядом с обезьянкой, и такая между ними разница, что и говорить тошно.

— И глазами хох!

— Л-е, — как увидел название этого хобота, заскрипел я.

Ах, та, — говорит, — бабушка! Кему судьбы мы с тобой в бане ходим, и до сих пор ты не разгадал. Ну, говорит, и тебе это удовольствие сейчас доставлю.

Я было туда, сюда, но скреб меня папаша, заскрипел и вспомнил, что перелет в нашу квартиру.

Не трати лишних слов, скончай папаша брюки и прочее и говорит:

— Гляди!

— Да я, папаша, не хочу. Вид не занятый.

— Гляди, — говорит, — сунки смы!

Делать ничего, погодица.

— Глядко! — спрашивается.

Гладко, говорю.

— То-то, говорит. А, может, у тебя не гладко?

— Гладко, говорю.

— Нет, это промазал надо. Снимай штаны!

Сним. А папаша как стукнет ладонкой по этому самому гладкому твоему и света не вспыхнет. Серебряный пампана-го. И рука у него — ведро.

А вечером — новое поражение Кабальщик.

Зашел у нас папаша с кумом его, знатным бакалейщиком синирными разговором о котах-кошках. Ну, изтурял нас Акс. Еще прибрал утюги и тому подобный опух.

Ну, я и дал фактическую спрашивающую.

— Матеря? — говорит. Это любыньте.

А какая, говорит, матеря; пиджаки, булмаж и почем метр?

И потом разговор перешел на мифические очереди, потол на галоши, и кончились сорокаградусными. У меня тоже стало 40 градусов.

Принц однажды вечером домой, сидя в кресле, и говорит:

— Сейчас, говорит, выстроил «вокзалы» и ехали, говорит, бог есть, он меня должен наказать.

И пытавшийся шипал.

Не говорите сколько меня от антиленинской пропаганды!

Единственный результат, которого я добился, это то, что бабушка, зеленый грибочек, переселилась в лучший мир, сказавши:

— А этому обезьянчику это мне скажите, что лишили я его руки лисьи, которую еще мой муж носил в Севастопольскую кампанию.

Это — не считая двух ребер.